

Александр *ЦыПКИН*

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
БЕСПРИНЦЫПНЫХ
ИСТОРИЙ
КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЗДАНИЕ

18+

Одобрено Рунетом. Подарочное

Александр Цыпкин

**Полное собрание
беспринципных историй**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Цыпкин А. Е.

Полное собрание беспринципных историй / А. Е. Цыпкин —
«АСТ», 2017 — (Одобрено Рунетом. Подарочное)

ISBN 978-5-17-107188-2

Это единственный в своем роде сборник – слово «спасибо» моим близким друзьям юности, которые десять лет назад стали еще и коллегами по работе, партнерами по интереснейшим проектам и просто теми, кто в самые непростые времена поддержал меня и убедил в способности всё преодолеть. Без них ни одной моей книжки не вышло бы, что, наверное, лучше было бы для мировой литературы, но сейчас не об этом. Итак, дорогие мои парни и девушки из «Вертикали». Спасибо! Спасибо, что есть и будете дальше.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-107188-2

© Цыпкин А. Е., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Первое отделение. Женщины непреклонного возраста и др. беспринципные истории	6
Комедии секс-положений	6
Свадебное насилие	6
Этюд заботливо-бордельный	8
Свидетель	10
Новогодний брак	10
Сценарий для порно без happy-end	13
Обмани меня, если сможешь	15
Этюд шиномонтажно-бордельный	16
Почетная смерть	18
Наш ответ BDSM, или Общество защиты животных	19
Суд из-за неудобной упаковки презервативов	21
50 оттенков счастья	24
@atsypkin Twitter. Лучшее из худшего	24
Женщины непреклонного возраста	26
Кимченыха	26
Вербовка	28
Подруги	29
Порядочный человек	30
Яхтенная жертва	34
Тетушка	34
Нокаут	35
Одинокая эротика	35
Лень	36
Пленных не брать	36
Племяш – наш, или Куда приводят звонки	36
Рука	40
@atsypkin Twitter. Лучшее из худшего	41
Из личных показаний	42
Миллионы гениев в мензурке	42
Уважение	44
Как Ясир Арафат меня спас	46
SOS. Save our safe	48
Гимн а ля рюс	49
Игра на понижение	50
Гордость нации	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Евгеньевич Цыпкин

Полное собрание беспринципных историй

© Александр Цыпкин, текст, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Дорогие читатели, хотя мне привычнее обращение дорогие зрители, так как, возможно, вы знаете, что я в основном рассказываю свои истории с театральной сцены. Поэтому давайте представим, что это не книга, а спектакль из нескольких историй. Возможно, какие-то заставят вас смеяться, какие-то плакать, а может они вообще вам не понравятся. Тем не менее все будет как в театре, два отделения и антракт, чтобы вы смогли сходить в буфет. Без буфета, сами понимаете, никак нельзя. Невозможно.

Начнем, пожалуй, с рассказа, которым я открываю практически все свои беспринципные чтения. Он короткий и емкий, в нем практически все, что я люблю: секс, сарказм, немного Питера, немного детства и «глубокая философская мысль», спрятанная за всем этим монументальным забором. Если честно, «глубокую философскую мысль» без такого предупреждения никто не видит, но она есть. Я точно знаю.

Занавес, поехали.

Посвящается мне

Первое отделение. Женщины непреклонного возраста и др. беспринципные истории

Комедии секс-положений

Свадебное насилие

«Цыпкин, мне конец. Я ночью ударил Катю, но не очень помню, за что и как, хотя это уже не важно. Она плачет и говорит, что не может выйти из номера с подбитым глазом. Ее папа меня убьет, ты же его видел».

Такой звонок я получил из гостиничного номера, в котором мой друг проводил свою брачную ночь. Утро после свадьбы и без этого тяжелое испытание, а тут просто кошмар. Но обо всем по порядку.

Гена жениться не собирался – ни на Кате, ни в принципе.

Он был из интеллигентной петербургской семьи. Все ученые, некоторые указаны в энциклопедии. Бабушка, разумеется, еврейка. Небогатые.

Катя приехала в Петербург из Рязани. В семье все военные, даже домашние животные. Папа, разумеется, бывший десантник. Богатые.

Гена увидел фотографию папы утром после, так сказать, незащищенного соития и сразу все понял. Бабушка учила Гену смотреть в родословную до первого свидания, ведь никогда не знаешь, чем оно может закончиться, но Гена бабушку не слушал.

В итоге Катя вдруг стала беременна. Девушке повезло с семьей отца ребенка. Они были люди глубоко порядочные и жениться Гену обязали, правда, Катю в полноценные родственники приняли не сразу. Эта дихотомия, кстати, довела до развода не одну разноклассовую пару, так как ощущать себя женщиной второго сорта, которая неожиданно свалилась на обожаемого сына или внука, – удовольствие сомнительное. Особенно если из зоопарка тебя вроде бы выпустили, но относятся все равно как к говорящей барсучихе. А если еще есть различия в материальном статусе и представители интеллигенции значительно беднее, положение девушки иногда становится совершенно невыносимым: она виновата и в том, что недостаточно изысканна, и в том, что слишком богата.

Но все это были возможные детали будущего. В настоящем нужно было решать вопрос со свадьбой. При подсчете количества гостей выяснилось, что силы совершенно неравны. Интеллигенция выставила на поле двенадцать человек, в основном, травмированных и с низкой мотивацией. Пролетариат с купечеством – аж пятьдесят девять, собранных со всей страны, из которых двадцати четырех Катя никогда не видела, а двадцати трех никогда не хотела бы видеть. Все они рвались в бой, точнее, в Петербург на свадьбу «нашей Катеньки» с человеком, чей прадед упомянут в Большой советской энциклопедии. Практически же «говорящая собачка», надо же посмотреть, потрогать, не говоря уже о проверке его на прочность, о которой мечтали друзья отца по ВДВ. Родственники Гены, понятное дело, никого вообще не хотели видеть и особенно слышать.

Расходы на этот «товарищеский матч» взяла на себя команда гостей.

Свадьбу можно описать одним словом – похороны. Это слово отображало выражение лиц команды жениха, его самого и невесты. Хотелось похоронить и ведущего, и музыкантов, и поваров. О поводе собрания забыли так же быстро, как забывают на поминках о покойнике, когда в траурный день начинаются чуть ли не пьяные танцы гостей с разных сторон усопшего.

Через два часа после начала «судья» утратил контроль над «игрой» и был удален с «поля». Началась русская свадьба, бессмысленная и... бессмысленная.

Дядя невесты, прибывший из Ростова-на-Дону, начал пить еще в Ростове-на-Дону и так преуспел в этом занятии, что забыл о своей жене, хотя забыть о таком объемном грузе было сложно, и пытался пригласить на медленный танец Генину маму, которая вмерзла в стул. Дядю это ничуть не смутило, и он поднял ее вместе с ним. Под бурные аплодисменты кубанский казак покружил стул с полумертвой преподавательницей филфака по зале и уронил обоих практически в торт.

Конкурсы были настолько глупы и абсурдны, что даже неизбалованные анимацией гости из-под Рязани (были из Рязани, а были из-под) их освистали и предложили всем начать носить своих спутниц вместе со стульями по примеру ростовского товарища. В итоге – визг, крик и поломанная мебель.

Катина мама, женщина простая, но добрая и чрезвычайно воспитанная подседа за стол к Генкиным родителям и обнадежила: «Вы потерпите, пожалуйста, я все понимаю».

Потом пошла траурная процессия с ненужными подарками и нужными конвертами, затем реквием – тьфу, – танец под песню «Потому что нельзя быть на свете красивой такой» и наконец кидание венков в толпу потенциальных невест.

Оскорбленная поступком мужа жена ростовского танцора сказала, что тоже будет ловить венок, и, придавив парочку незамужних девиц, заполучила-таки пропуск в следующий брак.

Один из гостей подошел к Генкиной бабушке с какими-то несуразными комплиментами и закончил все восхитительной фразой: «Ведь есть же и среди евреев хорошие люди».

После этого бабушка поделилась со мной опасением: «М-да, жениться – полбеды, важно, как потом разводиться. А здесь, боюсь, если что, миром не получится».

Друзья Катиного отца посадили меня с женихом за стол и стали заливать водку в наши тщедушные тела, параллельно обучая жениха хитростям семейной жизни. «Генка, ты главное бабу не распускай! И запомни – от хорошего леща еще никто не умирал. Нет, конечно, бить женщину нельзя, но леща прописать можно!» – учил жизни моего друга человек с запястьем размером с Генкину голову.

Свадьба гремела на весь отель, я пытался затащить в заранее снятый номер одинокую подругу невесты, но она оказалась девушкой с принципами, и затащить мне удалось лишь бутылку виски. С ней я и заснул.

Утром меня разбудил озвученный, упомянутый выше звонок.

«Саня, делать, делать-то что?! Я, главное, не понимаю, за что я ее так. Мы же сразу заснули почти, когда я успел? И ты же меня знаешь, я муху не обижу, а Катька, она такая нежная. Господи, как я мог...»

«А Катя не помнит?»

«Да она вообще до сих пор только мычать может, убралась в полный салат, хотя, как в зеркало посмотрела, протрезвела немного. Но когда я ее ударил, не помнит, говорит только, папа меня убьет, и что она не думала, что я в принципе способен поднять руку на женщину. Я тоже так не думал».

Отмечу, что Генка среди нас был самый приличный. Ко всем, даже самым мимолетным, знакомым он относился как к лучшим друзьям, всегда провожал домой, искренне заботился, говорил о девичьих проблемах часами, если от него этого хотели. В общем, мы стыдились себя в лучах Генкиной добродетельности. А тут избить жену. Хотя один раз я видел, как у него слетает голова с катушек, и тогда он был страшен. Отмечу: и тот случай произошел при участии алкоголя.

Тем не менее, проблему надо было решать. Голова у меня разрывалась, и я попросил в roomservice принести мне бутылку пива. Пришедший официант спросил:

«Невеста-то как, жива? Досталось ей вчера...»

Я поперхнулся. «В смысле?»

Оказалось, что моя жажда пива спасла ячейку общества и лично новоиспеченного мужа. Гена с Катей, точнее с телом Кати, пошли спать в свой номер. В это же время официант roomservice нес заказ в соседнюю комнату и увидел следующую картину. Невеста, больше напоминавшая свернутый ковер, была прислонена к стене, а Гена пытался вставить карточку в щель замка. Когда это удалось, он открыл дверь в номер, взял Катю на руки, как обычно это делает прекрасный принц, и попытался внести невесту в дом. Болтающиеся ноги невесты бились при этом о левый косяк двери, а безжизненная голова – о правый. Гена был так накачан водкой, что мог оценить только одно событие: Катя в дверь не входила, а вот почему это происходило, он не понимал и поэтому пытался ее так внести раза три (последний почти с разбегу), пока официант его не остановил. Гена его послал, но послушал и затащил невесту бочком.

Я позвонил Гене и все рассказал, затем схватил официанта в охапку и пошел искать Катиного папу. Он был найден на завтраке трезвым, бодрым и чисто выбритым. Только при мне бывший военный выпил почти 0,7. Да. Вот это закалка! Послушав трагическую историю, он кратко и без лишних эмоций все расставил по местам: «Походит в темных очках неделю, и всего делов, а муж молодец, хотел традицию соблюсти».

Вечером молодожены улетели в путешествие. На всех фотографиях Катя была в огромных солнечных очках, про насилие в семье больше никто не узнал. Они, кстати, так и не развелись. Более того, бабушка взяла на себя роль профессора, и через год Дулиттл было не узнать. Сдружились даже отцы, за исключением одного разногласия. Тщедушный Генкин папа просит отдать внука в рязанское училище ВДВ, а десантник лоббирует СПбГУ. Каждый вымещает свои комплексы на детях как умеет.

Р. S. И еще немного про Генкину семью. На момент свадьбы Катя уже не была беременна – не сложилось в тот раз, к сожалению. Она переживала, боялась, что ей не поверят, подумают, что она, в принципе, это все придумала, или что жених отзовет предложение, но воспитание есть воспитание. Когда Гена сообщил своим о проблеме, бабушка спокойно сказала:

– Уверена, на твои планы относительно женитьбы это не повлияет. Не позвать замуж беременную девушку – трусость, а вот отказаться от потерявшей ребенка – уже предательство. Данте оставил для таких последний круг. Я тебе не советую.

– Бабушка, я и без Данте понимаю, что можно, а что нельзя.

Этюд заботливо-бордельный

Быть тоньше – не значит выбирать слова, а лишь выбирать время для слов.

Итак, кто не знает, в юности я изучал петербургские публичные дома (не похоти ради, а токмо волею пославшего меня туда главного редактора). Местные гражданки странного посетителя приняли хорошо, платил я за болтовню как за любовь, и они подробно рассказывали занятные истории из своей неоднозначной трудовой деятельности. Я далек от романтизации данного образа жизни, драм там было предостаточно, но и веселые, даже сказал бы светлые, события происходили регулярно.

Одним из постоянных клиентов борделя на улице Марата был крупный научный деятель. Представим себе, что звали его Арсений Михайлович. Ученому было к семидесяти, милейший дедушка, который считал ниже своего достоинства развращать студенток, а исполнять супружеский долг со своей любовью юности, ставшей женой лет 40 назад, было выше его сил, да и ее тоже. Тем не менее, супругу он любил всем сердцем, о чем знал весь бордельный профсоюз, в остальном был ей верен и, более того, даже в публичном доме связал себя узами распутства

с одной только девушкой. Звали ее Алиса, в миру Антонина из Луги. Ходил дедушка к Алисе, как на заседание кафедры – раз в две недели, заслужил право звать ее настоящим именем, приносил всем конфеты и даже имел в данной квартире собственные тапочки. Также Арсений Михайлович хранил в местном баре армянский коньяк, который девушки считали дешевым пойлом, а профессорские упоминания Черчилля – ругательством.

Помимо научных трудов, Арсений Михайлович что-то намутил в Перестройку и, в общем, не бедствовал, родной институт даже обеспечил его извозчиком. Как я уже сказал, ученый наш любил свою жену и подходил к вопросу конспирации со всей строгостью науки, так как обоснованно считал, что такого адюльтера старорежимная женщина не переживет и не простит. Водителя отпускал за два квартала, периодически меняя диспозицию. Но так как на улице Марата было несколько имевших отношение к его работе учреждений, подозрений поездки не вызывали. Также внимательно профессор относился и к другим деталям: инспектировал одежду на предмет случайных женских волос, тщательно мылся в душе, уходя проверял наличие всех вещей и четко соблюдал расписание.

Однажды осенью Арсений Михайлович пришел в обычное время, сразу был препровожден в комнату, присел на кровать и попросил свой коньяк. Алиса-Антонина заболталась с другими девушками и появилась в комнате минут через пять.

Профессор спал.

Она попыталась разбудить его, но из уважения к заслугам клиента делала это нежно и заботливо. Арсений Михайлович частично вернулся в сознание:

– Тонечка, я посплю немного, ты только не буди пока, я за все заплачу, просто встал сегодня очень рано...

Он достал из неснятых брюк сумму за два часа, отдал Алисе и засопел. Лужская девушка была сердцем добра, дедушку раздела, накрыла одеялом и попросила работниц соседних комнат стонать вполсилы.

Арсений Михайлович, не выходя толком из сна, продлевал его два раза, и постепенно наступил вечер.

Около девяти в регистратуре борделя раздался звонок:

– Девушка, добрый вечер. Скажите, а Арсений Михайлович до сих пор у вас? Я его жена и как-то уже начинаю волноваться, пятый час пошел. Не нужно только вешать трубку, я все знаю, он у вас бывает через среду. Сегодня он в сером костюме, красном галстуке и на нем белые в зеленую полоску трусы, так что я точно его жена. Просто поймите меня правильно – человек пожилой и обычно он от вас через час выходит, а тут застрял. Водитель порывается к вам подняться, звонит, спрашивает «что делать?», а зачем нам всем скандал? Так с ним всё хорошо?

Начальница регистратуры, выдавшая на своем веку многое, ненадолго потеряла дар речи и надолго обрела уважение к институту брака.

– Понимаете... он спит... Говорит, устал, но мы только полчаса назад проверяли – с ним все хорошо.

Сидевшая напротив Алиса начала отчаянно жестикулировать, пытаясь перерезать телефонный шнур взглядом.

– Вы уверены? А он уже сделал то, зачем пришел или еще нет? – ровным голосом спросила жена профессора, как будто речь шла о библиотеке.

Потерявшая всякое чувство реальности происходящего управляющая борделем голосом зав. библиотеки ответила:

– Пока нет. Он сразу лег и просил не мешать, мы даже тише себя ведем. Может, разбудить?

– Ладно. Давайте, через полчаса будите его, иначе он совсем застрянет, начнет волноваться и придумывать всякую ерунду, а он такой плохой вун, что мне больно на его мучения

смотреть. А раз уж этот разговор состоялся, скажите... как мужчина он здоров, все хорошо? Вы же понимаете, пока к вам ходит, жить будет, – в голосе жены профессора не было ни слезливой сентиментальности, ни лицемерия. Она просто поинтересовалась здоровьем супруга.

– Ну, у нас такие мастерицы, что любой здоровым будет, – пошутила из астрала «заведующая библиотекой». – Но ваш супруг еще в полном порядке, так что жить ему долго!

– Ну и слава богу. Еще момент. Если вы хотите, чтобы Арсений Михайлович и далее продолжал приходить именно к вам, о нашем разговоре ему ни слова. Всего доброго.

После нескольких минут тишины обе девушки начали медленно приходить в себя.

– Кто бы нас так любил, как она его...

– Кто бы нам мозги такие дал... – ответила Антонина.

Через указанное начальством время Арсений Михайлович был разбужен. Посмотрев на часы, он начал причитать, заламывать руки, пытаться придумать объяснение для жены и через десять минут «преждевременно эякулировал» из гостеприимной квартиры. До любви дело не дошло.

Та самая управделами борделя рассказала мне эту историю через полгода после описанных событий. Алиса уже бросила работу, оплатив последний год обучения. Кстати, профессионалы отрасли говорят, что кое-как и не всем, но все-таки выскочить из капкана можно, если только не проработал больше года. Дальше наступают уже совсем необратимые изменения в душе и в мировоззрении. Арсений Михайлович погоревал, но, как истинный джентльмен, замену ей искать в той же квартире не стал.

В память о дивной истории (которая, возможно, озвучена не только мне и не только мною), в баре стоял его армянский коньяк. Я отпил и поспорил с Л. Н. Толстым. Все семьи и несчастливы по-разному, и счастливы неодинаково.

Свидетель

Дубай. Отдых. В районе полудня иду по одиноким коридорам своего отеля. Тихо. И вдруг в тишине стон, и еще один, и еще... хороший такой, без истерики и театра, слышно, что скромной и скрытной женщине очень-очень хорошо. Заслушался... когда сам участвуешь в процессе, как-то не удается вдумчиво слушать эти прекрасные звуки. Столько других мыслей отвлекает: «А хорош ли я? А хорошо ли ей? А скоро ли футбол? А что там в „Игре престолов“? А ораль-ный секс все-таки лучше, ну и т. д.»

А тут такой искренний чистый звук. Минуту, наверное, стоял. Наконец стало неудобно, пошел, завернул за угол, а там – парнишка лет 12–13 с красным лицом, круглыми глазами и смесью ядерного любопытства и термоядерного страха... Встретились взглядами. Он сначала стусевался, но я дал понять, что мы с ним оба слушатели, говорю:

– Sounds great! (Отличный звук.)

– Ou, yes, mmm... it's my mom, you know, i just wanna take my phone... (Да, вообще-то это моя мама... а мне надо за телефоном зайти.)

Новогодний брак

Если речь идет о чувствах, интуиция почти никогда не обманывает нас. Мы же почти всегда пытаемся ей не поверить. Мы верим в «почти».

Судьба – это не рулетка, а программный код. Никаких случайностей. Ошибочные СМС (это первая из ряда историй с таким сюжетом) никогда случайно не отправляются.

Итак, где-то в начале века мой скучный друг Аркаша встал на тернистый путь моногамии. Шел он по нему с девушкой по имени Анна.

У Ани были изящные руки и озерцо обаяния. Пожалуй, всё. Красоты особенной в ней не наблюдалось, да и магии тоже.

Несмотря на это, Аркаша был к барышне привязан и даже строил какие-то планы:

– Я уже готов начать размышлять о том, что пора задуматься о возможности сделать через несколько лет намеков на перспективу свадьбы.

Но дальше размышлений жених не заходил. Всегда забавно наблюдать за мужчинами, считающими, что они – властелины времени.

Наступило 31 декабря. Мы собирались большой компанией вставить бенгальские огни в оливье и заснуть лицом в бланманже, приготовленном моей тетей Верой. Для подготовки к этому сакральному событию я направился в квартиру Аркаши прямо с утра. Мешать спирт с вареньем и селедку со свеклой. Хозяин квартиры встретил меня следующим пресс-релизом:

– Сань, тут такое дело... ты меня знаешь, я не такой уж бабник, но вчера встретил на улице Киру Азарову. Помнишь, из моей группы? В общем, если я сейчас ей напишу, она днем приедет поздравить, так сказать.

– Аркаша, я ее очень хорошо помню, но ты же верный, как кирпичи мавзолея, мы тобой все гордимся! С чего вдруг тебя так понесло?

– Знаешь, иногда смотришь девушке в глаза и понимаешь, что собой не владеешь. Это так редко бывает в жизни. Ну как мне остановиться... да и закрывать этот гештальт нужно, – Аркаша был таким занудой, что прочел всю околосексуальную литературу.

Герой потыкал в телефон и, довольный, наконец сообщил:

– Цыпкин, вали домой до пяти минимум, жребий брошен, как говаривал Наполеон.

– Вообще-то, Цезарь. И что ты там бросил?

– Читай.

Я стал читать отправленное им сообщение:

«Кира, жду Вас в два часа, чтобы романтически проводить Новый год, держать в руках себя не обещаю, уж слишком Вы прекрасны для моей скучной жизни».

Аркаша сидел и курил. Счастливый, торжествующий, со взглядом Цезаря, входящего сразу в Нью-Йорк.

Все было прекрасно в этом сообщении. Стил, посыл, лаконичность и особенно адресат. Аркаша отправил его своей Ане.

Я смотрел на своего друга и удивлялся материальности мыслей.

– Аркаша... ты его Ане отправил.

Сказать, что мой друг покрылся инеем – это не сказать ничего. В тот момент, когда я озвучил ему приговор, он сладостно выдыхал табачный дым. После моих слов дым еще минуты две шел из его открытого рта, как пар из кипящего чайника. Я медленно вынул сигарету из его окостеневших рук.

Еще через минуту он холодным голосом сказал:

– Я только что ее убил.

– А Кира – мужское имя. Может, как-то это обыграть? – Я неуклюже пытался найти решение.

Казалось, он не услышал моих слов:

– И дело же не в том, что я скотина, и она меня бросит. Аня не то чтобы очень красивая, и знает об этом.

А фотографию Киры она видела. Нельзя бить в самое больное место. Нельзя.

Аркаша был прав. И действительно, уж если уходить в левый ряд, то не с тем, кто круче твоего партнера по его ключевому комплексу неполноценности. Но в тот момент я вспомнил бабушкины слова: «Интеллигент совершает те же низости, что и обычный человек, но при этом очень переживает». Кстати, с этой точки зрения, я – истинный интеллигент.

– Позвони ей, мне кажется, найдутся слова.

– Она не ответит, – Аркаша ушел в другую комнату, но скоро вернулся. – Бесполезно.

– Давай так: ты ей напиши, что это я случайно отправил с твоего телефона, у нас же одинаковые «Ноки». Ну, а я скажу, что они у тебя в телефонной книге записаны рядом.

– Очень логично, что Аня и Кира идут друг за другом. Хотя Кира же Азарова, может, и правда, прокатит...

СМС с объяснениями улетела. Ответа не последовало.

Аркаша взял телефон и стал методично что-то набирать.

– Я сознался во всем своем мелком вранье, сказал, что между мной и Кирой ничего не было, что это было просто наваждение какое-то и попросил меня простить...

Звонок. Тонуций в болоте не так хватается за камыш, как Аркаша рванул к трубке... Но брать ее не стал.

– Это Кира. Сань, ответь, что я умер, или что меня инопланетяне забрали, или что ко мне жена приехала.

Занятно, как иногда быстро проходит одержимость и все эти «собой не владею...»

– Насчет жены – смешно.

Аркаша задумался и вдруг отрезал:

– Знаешь, а я поеду предложение сделаю!

– Что?! Ты сейчас неадекватен и просто хочешь как-то проблему решить!

– Ты меня часто неадекватным видел?

– Согласен. Неадекватность – это дар Божий, не всем он дается.

Через час молчания мы стояли у двери Аниной квартиры. То, что она дома, Аркаше было известно, так как они еще утром договорились, что он ее заберет вместе с каким-то салатом.

Обычно флегматичный, Аркаша нервно поправлял волосы, расстегивал и застегивал куртку, заглядывал в мои глаза, как будто ждал ответа не от Ани, а от меня.

«Эко его скрутило», – с завистью подумал я.

Я позвонил. Замок повернулся. По лицу Ани все было понятно.

– Мальчики, простите ради бога, я все проспала...

Я только сейчас увидела все звонки пропущенные, и там еще СМС куча. А вы, наверное, испереживались...

Аркашу можно было сразу сдавать в музей мадам Тюссо. Его душа не могла выдержать второго такого удара.

Пока не дошло дело до третьего, я решил избавить Аню от удовольствия прочитать «кучу СМС».

– Аня, дай, пожалуйста, свой телефон, мой сел.

Я взял аппарат и ушел на кухню. Чистка компромата заняла пару минут.

– Аркаша, тебе какая-то Кира звонит! – Послышалось из гостиной.

Я вошел, взял телефон, и сказал:

– Это она мне звонит, мой же сел, я дал Аркашин номер.

Мне показалось, что в глазах друга даже мелькнула ревность.

Р. S. В Киру я по уши влюбился, растерял весь цинизм, ползал в грязи, целовал шнурки, строчил жалостливые письма, требовал внимания, ныл, что готов на все, превратился в истерика и был ожидаемо послан через три месяца. Еще три месяца проходил реабилитацию. Предлагаю, что бы она с Аркашей сделала! Одних гештальтов на полжизни оставила бы.

Р. P. S. Предложение в тот вечер Аркаша не сделал.

И правильно. Любовь – чувство свободных в выборе, а не тех, кто в данный момент до смерти боится кого-то потерять или мучается чувством вины. Может, я ошибаюсь, но эмоции, рожденные под давлением из вне, не являются настоящими. Уйдет давление – уйдут эмоции. Как говаривала одна моя мудрейшая знакомая: «Ничто так не убивает безответную любовь, как год взаимности».

Сценарий для порно без happy-end

История о силе женского духа

Давным-давно в тридесатом царс-тве жил был я. И жил не один, а с прекрасной принцессой. И все было расчудесно, за исключением... отсутствия шкафа.

Я решил взять эту проблему в свои кривые руки и повез нас обоих в бутик эксклюзивной мебели ИК..., расположенный в живописном месте за КАДом. Бутик посещаемый и популярный.

Там я и узнал, что вовсе не каждый шкаф вылезает из станка в собранном состоянии. На стене у входа в магазин меня приветствовал красивый рекламный текст, суть которого сводилась к следующему: «Нищесброд, слушай меня внимательно! Ты здесь, потому что считаешь себя самым умным? Нет! Самый умный здесь я. Поэтому ты заплатишь те же деньги за шкаф, соберешь его и будешь радоваться, что сэкономил. Прости, но я также полагаю, что ты настолько бездарен, что не в силах купленную мебель собрать – без проблем, за тебя и это сделают. Если ты читаешь это объявление и вокруг тебя суетятся тысячи таких же муравьев, значит, я не зря занимаю свое место в журнале Forbes, а вот ты в нем пока не числишься даже рекламодателем».

Что отличает петербуржца от жителей других городов? Он точно знает глубину задницы, в которой находится. Что еще его отличает? Ему абсолютно пофигу, ибо в этой заднице он все равно самый культурный! Так что я не расстроился от осознания прочитанного.

Свысока посматривая на остальных «муравьев» и от стояв час за разогретыми фрикадельками, мы-таки купили шкаф! Радовало, что купили быстро и только шкаф. С еще большего «высока» я наблюдал молодые ячейки общества, которые с перекошенными лицами гребли свой медовый месяц из-за разных подходов к выбору абажура или коврика в ванную. Сразу подумалось о жизненном цикле «встреча, любовь, загс, ремонт, развод». Отвлекусь: один раз в отделе матрасов я услышал, как громоздкая жена извергла на своего тщедушного мужа убийственную фразу: «Вова, трахаться хочешь?! Грузи эту гребаную кровать и не ной!»

Вернемся к шкафу. Оплатив карточкой ХХХ-банка «с рассрочкой платежа» (ты о нем забываешь и потом платишь миллион процентов годовых) и еще раз ощутив ногами илистое дно питерского гламура, я вдруг созрел для бунта и революции, повернулся к принцессе и заявил, что «сборка не нужна, я сам». Девушка меня любила и уважала, поэтому ответила вежливо:

– Самоделкин, ты что, заболел?! Ты лампочку вкручиваешь месяц с помощью инструкции и консультантов, более того, она потом все равно не горит. Ты знаешь, что такое вечность? Так вот, умножь на два и получишь время сборки шкафа твоими мастеровитыми руками.

Это была чистая правда. Я – практическое воплощение нового закона Мерфи. «Если что-то не получается сломать, отдайте это Цыпкину, он сломает». На уроках труда меня держали в железной клетке в смиренной рубашке. Просто учитель не хотел сидеть в тюрьме. Но я топнул ботиночком и, опустив голос до хрипоты, сообщил, что мужик в доме Я.

Скажу честно, сдался «мужик» быстро. Привез, разложил все и капитулировал. Радовало одно – при этом мое самолюбие даже не шелохнулось. Свидетельнице позора я заявил, что мое время дороже, а признавать поражение способны только истинно великие люди.

Я стал искать телефон службы сборки мебельной компании.

Приход гуру отвертки был назначен на субботнее утро. Настало время решить, кто будет сидеть со сборщиком. (В доме человека, покупающего шкаф в ипотеку, очень много ценного. И я, естественно, не мог допустить даже мысли оставить постороннего без надзора в этом музее.)

– Он же что-нибудь украдет! – гремел мой голос на все 30 метров пентхауса.

– А я не собираюсь сидеть с потным мужиком одна! – гремел женский голос в ответ.

Щедрость и великодушные всегда были моими сильными сторонами:

– Не вопрос, я посижу, а ты сходи в кино.

О, эти минуты благодарности российской женщины...

Настал шаббат. Сборщик обещался прибыть в 11:00. Принцесса стояла в прихожей, спиной к входной двери и лицом к зеркалу. Тушь быстро занимала свое место на ресницах. Звончок. Я открыл дверь и...

На пороге стояла красивая молодая девушка в коротких шортах, с грудью, взятой напрокат у Памелы Андерсон, пакетом и чемоданчиком с инструментами.

– Вам шкаф собирать?

– Нам! – выдохнул я и сполз по стене, уходя в бесконечный и беззвучный хохот.

Моя принцесса с застывшими рукой и взглядом повернулась на 180 градусов и посмотрела на «потного мужика», с которым мне предстояло «сидеть». Обида, удивление, восхищение и обреченность калейдоскопировали на ее лице. Я слился с вешалками.

– Доброе утро! Проходите, пожалуйста. Простите за вопрос. А вы единственная девушка-сборщик в вашем магазине? – ртутью вытек вопрос из уст моей возлюбленной.

– Да, – понимая весь драматизм ситуации, сборщица старалась не улыбаться и спрятать грудь, которая с трудом помещалась в прихожей.

Далее гаубица повернулась в мою сторону и выстрелила:

– Цыпкин (запикано), объясни, а почему во всем (запикано) пятимиллионном городе девушка-сборщик пришла именно (запикано) к тебе?!

Расстрел был прерван вежливым вопросом:

– А где у вас можно переодеться?

Ее слова спасли мою бессмысленную, но яркую жизнь.

Вынырнув из вешалок и обойдя гаубицу, я сопровождал гостью в ванную. Пока шел процесс преобразования, свет очей моих отчеканил следующее:

– Если ты просто хотя бы подумал о чем-то, а я точно знаю, что ты подумал, то имей в виду: это будет последний секс в твоей распутной жизни, и тебя похоронят в этом собранном шкафу, но без некоторых частей твоего тела.

Я сглотнул и дважды моргнул. Звучало убедительно.

Нимфа вышла из ванны в синем рабочем комбинезоне, футболку сменила майка с достаточно большим вырезом.

– Где собирать будем? – спросил вырез на майке, глядя мне в глаза.

– Саша вам все покажет, – ответила принцесса и по кинула квартиру.

Если вы ожидаете бурной сцены любви, вынужден вас огорчить. Я не просил, да, думаю, мне бы и не дали.

В том молодом возрасте я был таким «брутальным красавцем», что дать мне можно было только из очень большой любви, которая, как известно, не добра, но регулярна.

Но как она собирала! На коленях, с ПРАВИЛЬНО изогнутой спиной (а это, кстати, искусство!), уверенно вкручивая шуруп за шурупом.

В общем, как там его, «нефритовый стержень» давал о себе знать. Ну и вырез не охлаждал моей, если не ошибаюсь, «вздыбившейся плоти».

Помимо похоти, меня мучило любопытство. Это сочетание, кстати, и привело меня в итоге ко всем жизненным успехам. Но сейчас не об этом.

– Простите, а что стало причиной ухода в столь мужскую профессию? – елеинным голосом поинтересовался я.

– Деньги, – холодно ответила она. – Все просто. Я работала менеджером по продажам и зарабатывала тридцать тысяч, на съемную квартиру и помощь маме не хватало. Сейчас только чаевых в месяц у меня под сто тысяч плюс несколько приглашений в рестораны, два в отпуск и одно замуж. Шкаф готов. С вас... (не помню сколько, но заплатил я раза в полтора больше).

Все действо заняло 40 минут. Нимфа переделалась, улыбнулась, постояла, улыбнулась с подтекстом, посмотрела в глаза, поблагодарила за выдержку и ушла.

А вот я бы, может, и не смог бы перейти из менеджеров в сборщики мебели. Понты не пустили бы, да и духа бы не хватило друзьям признаться.

Обмани меня, если сможешь

Один модный журнал попросил меня как-то рассказать о самом неудачном свидании. Пришлось повспоминать.

Прекрасным летним днем 200... года я решил пойти в кино. Фильм, как положено, меня не интересовал, а вот спутница – очень. Звали ее не Ира, но пусть будет Ира. Уже месяц я занимался в ее отношении подрывной работой. Накануне вечером она почти сдалась, но опять чего-то не хватило. Я уже был похож на нервного гимназиста и утром опустил до гороскопа.

«У Весов сегодня все будет не так, как вчера». Ванга писала, сразу видно. Но надежда во мне поселилась.

Звоню. Без «приветкакдела» стреляю: «Сегодня в девять идем в кино».

Такой прием обычно срабатывал.

– Идем. На что?

– В «Художественный», премьера, – фильм не помню.

– Я сама приеду.

– Отлично.

Ничего отличного я в этом не видел. Остаться наедине в ее машине – прекрасная возможность для беседы о Канте.

Прусь в кинотеатр, беру билеты.

Приходит СМС с неизвестного номера:

«Ну что, в кино-то все-таки идем?»

Отвечаю: «Конечно, идем!»

А я не знал, что у нее второй номер есть, вот ведь зараза какая.

«Во сколько и куда?»

Пока липкое ощущение подставы обволакивает мозг, автоматически набираю: «Художественный, 21:00». «Заедешь за мной?» Дело труба. Дубль первый.

Это точно не Ира. Теперь есть два вопроса:

1. Кто это?

2. Что делать с Ирой, если не удастся отмазаться. «Напомни адрес, пожалуйста».

Сейчас все пойму.

«Ветеранов, 156, у второй парадной».

Что?! Да я в этом Гарлеме не был несколько лет!

Как истинному петербуржцу мне стало очень неудобно перед девушкой. Живет черт-те где, явно я ее в подпитии в баре каком-нибудь позвал в кино, а она поверила. Буду честным и благородным. Да и, мало ли, может, она лучше Иры?! А Ира в следующий раз.

«Заеду в восемь».

«Ок».

Че за «ок»? А где «целую» там и т. д. Ну ладно! Так, теперь надо от Иры отмазаться. Делаю очень серьезный голос, как будто я д'Артаньян, который прямо сейчас пришивает голову Миледи обратно.

– Але, Ир, привет, тут такое дело...

Очень сонный голос перебивает:

– Сань, я чего-то болеваю, давай в следующий раз?

– Ну, Ирочка, ну, конечно! – Гороскоп не врал! Это знак.

– Тебе завезти лекарства?
«Нууу, давай... давай... давай, сама... сама».
– Нет, спасибо, врач придет. Это мой день!
– Ну, отдыхай, я тогда поеду к маме, с собакой погуляю. Она как раз звонила, и я думал перенести наше кино на завтра.
– Ну и хорошо, целую.
– Целую!
Отлично! И эта моя, и новая есть!
20:00. Проспект Ветеранов, 156:
В моих мечтах Она – высокая, пышногрудая, в платье на голое тело, выходит и отдается мне прямо в машине, а потом не поднимает головы весь фильм...
Мечты не всегда сбываются.
«Незнакомка» была маленькая, в идиотских шортах и футболке с черепом, с кривыми, волосатыми ногами и лысая. Звали «ее» Игорь. Знал я «ее» со школы.
– Здорово, дезертирам! К разврату товсь!
Дело труба. Дубль два.
Какой же я идиот! Он же приехал с военных сборов на один день, и мы собирались в кино пойти кого-нибудь склеить, а это квартира его тетки, мы же обо всем договорились в прошлые выходные, и номер я его новый не записал, болван!
21:00. Входим в зал. Билеты взяли на последний ряд, чтобы видеть все стадо. Начинаю искать замену Ире. На последнем ряду сидит Ира с каким-то парнем.
Очень немая сцена.
Есть несколько проблем:
Ира меня кинула.
Ира меня кинула ради парня.
Ира видит, что я ее кинул.
Ира видит, что я ее кинул ради парня. Вроде все одинаково, но есть нюанс (с).
– Врач? – Кивнул я на Ириноного друга.
– Спаниель? – Кивнула Ира на Игоря.
Она всегда знала, что сказать в ответ. Игорь и «тот парень» переглянулись.
Школьный друг разрядил ситуацию:
– Мы пришли сюда познакомиться с парой таких же любителей кино, так что вы, ребята, нам частично не подходите.
Игорь захохотал, а я криво захихикал с двумя дырками в голове от Ириноного взгляда. «Тот парень» смотрел на нас с брезгливым недоумением: мало того, что два гея, так еще и пару ищут.
– Удачи, мальчики, – бодро закончила знакомство Ира.
Одиноких девушек в кино не нашлось. Божественно красивая, как мне в тот момент казалось, Ира демонстративно целовалась с «врачом». Игорь не менее демонстративно склеил билетершу, чем спас свою и мою гетеросексуальную репутацию. А я поехал домой. Одинокий, честный и бл... благородный. Наказан я был за вранье. Кроме того, женщины интуитивно ощущают тайную попытку усидеть на двух сразу и этого греха по возможности не прощают.

Этюд шиномонтажно-бордельный

Проезжая мимо шиномонтажа, подумал, что «развал-схождение» – отличный девиз для семейного психоаналитика.

Еще один забавный факт о борделях. Организаторы древнейшего промысла чрезвычайно заботливые люди и всегда пеклись о семейных скрепах. Своим клиентам они вручали визитки с асексуальной надписью «Шиномонтаж».

Расчет верный. Такая визитка, лежащая в портмоне, подозрений не вызывает.

Я рассказал об этом чудесном маркетинговом ходе своей девушке и забыл. Оказалось, она не забыла.

Прошла пара месяцев, наступил июнь, и я традиционно задумался о смене зимней резины на летнюю. Поехал в «Шиномонтаж», всё сделали быстро и дешево.

Я взял карточку с адресом и кинул ее на столик в прихожей, где аккуратно валялись все ВАЖНЫЕ документы.

Еще через несколько дней моя девушка в каком-то обычном вечернем разговоре уведомляет меня:

– Прости, не спросила разрешения, но визитку твоего борделя я отдала приятелю – ему иностранцев выгулять нужно.

Я чуть не подавился:

– Какого борделя?

– Ну, у тебя лежала визитка «Шиномонтажа», я решила, что это с той журналистской истории.

– Вообще то это реальный «Шиномонтаж»... – сказал я со смешанными чувствами легкой обиды и облегчения.

– Да? А предупредить нельзя было?! Сейчас туда двух итальянцев приведут! Надо срочно звонить Андрею!

– Не звони, – в моих глазах сверкнул адский азарт.

– Ну ты и скотина... – ответила с улыбкой виновница торжества.

Спать мы не могли и словно школьники в ожидании взрыва бомбочки прожигали глазами телефон.

В 1:30 пришла СМС: «Я убью тебя».

Ну, а теперь история словами сластолюбца Андрея:

Все шло по обычной схеме для иностранцев половозрелого возраста, попадающих в Россию:

18:00. «Мы поужинаем и спать».

21:00. «А может, сходим в хороший стрип-бар, просто посмотрим».

23:00. «Почему в „Максимусе“ это стоит 1000 долларов?! Есть ли где-нибудь дешевле?»

23:01 Андрей, отчаянно желавший выслужиться и выглядеть человеком, бывавшим на дне, достал волшебную визитку и набрал номер:

– Работаем?

– Круглосуточно.

– Нас трое, примете в гости?

– Мастер один, подождать придется. Шифруются. Понятно.

– Так мы вдвоем к одному сразу, – весело пошутил организатор разгула – и вся троица села в такси.

«Шиномонтаж» находился в фешенебельных трущобах Петроградской стороны. Промзона позапрошлого века, плавно переходящая в дома пониженной комфортности. В таких местах русским днем страшно, а уж итальянцам, да еще ночью... Они даже из такси выходить отказались поначалу. Но водитель тоже не очень хотел задерживаться в столь недружелюбном месте, и в итоге троица боязливо вошла в железный бокс.

– Андрей, ты уверен, что мы ТУДА пришли?

Неуверенный Андрей уверенно заявил, что в России все бордели выглядят именно так в целях конспирации.

Тут стоит отметить, что было Андрею 23, и в публичных домах он до этого не бывал. Но история про мои журналистские похождения до него докатилась, поэтому он и обратился

ко мне за советом. То есть он не знал, может ли бордель начинаться с «Шиномонтажа», как театр с вешалки.

Подойдя к единственному в коробке человеку, Андрей проговорил:

– Нам бы отдохнуть...

Мастер отвлекся от своих железак, озадаченно по смотрел на посетителя, на глупо улыбающихся итальянцев, подумал и решил уточнить:

– Мне бы тоже. Вы чего хотите?

– Ну... хотим поменять деньги на секс. Нам сказали, с вами этот вопрос решить можно, – Андрей подмигнул и похотливо улыбнулся.

– Я тебе, сука, сейчас домкрат в жопу запихаю!! Развелось, б... пидарасов!

Андрей получил легкий удар в живот и тычок в челюсть. Итальянцы немедленно сбегали, потеряв интерес к российским борделям навсегда.

– Мужик, ты чего?! Нам сказали, тут салон с проститутками! У меня визитка есть! – Завопил горе-экскурсовод.

Мужик посмотрел на визитку и пнул Андрея еще раз.

– Ты что, дебил? Тут же «Шиномонтаж» написано!

– Мне сказали, это для конспирации!

Мастер подобрел и даже засмеялся.

– Для чего? Тебя кто развел так?

Далее гуру покрышек разъяснил Андрею расположение домов терпимости в данном микрорайоне, налил сто граммов в качестве моральной компенсации и проехался по трусливым итальянцам, бросившим товарища.

А еще через десять минут СМС «Я убью тебя» полетело из «Шиномонтажа» в нашу квартиру. Вслед за СМС полетел оттуда и Андрей. Иностранцев поблизости видно не было. Более того, в округе не было видно никого. Вдалеке светилося что-то, похожее на бензоколонку. Дезертиры ожидаемо оказались там. Красивые, модные, обосравшиеся. Объяснить произошедшее Андрей не мог, поэтому многозначительно сказал: «Извините, парни, это Россия».

Поиски любви кончились, гости были отвезены в отель.

На следующий день итальянцы пожаловались начальнику Андрея, что тот притащил всех в бандитский притон, где русская мафия их чуть не убила, и бросил там одних. Перед итальянцами извинились и подарили по банке икры. Домой они вернулись героями. Через третьи руки до Андрея дошла их интерпретация событий уже со стрельбой и победой итальянцев над десятками бывших спецназовцев.

Наш же товарищ надолго обрел славу специалиста по публичным домам и месяц с нами не разговаривал. Нечего было выслуживаться и пытаться быть тем, кем не являешься.

Почетная смерть

Пригласили меня как-то на дружеский ужин. Компания небольшая, я – самый младший и бездарный, остальные – цвет, так сказать, петербургской культуры, включая почитаемого мною с детства музыканта NN. От близости к великим мой обычно неудержимый речевой фонтан пересох. Молчу. Думаю, как бы поизящней войти в разговор. Вдруг речь зашла о медицине, и я вспомнил одну папину притчу времен его работы на скорой помощи. Они регулярно приезжали для констатации смерти горе-любовников, умерших во время оргазма. Среди врачей это именовалось «почетной смертью».

Была еще одна пикантная подробность. Пожилые мужья имели обыкновение умирать отнюдь не на своих супругах. В итоге бедные врачи мало того, что должны были сообщать женам о трагедии, так еще и об ее обстоятельствах. В общем, я решил, что самое время (и место) рассказать эту веселейшую зарисовку.

В нужных кабинетах меня учили, что внимание малочисленной аудитории следует удерживать, постоянно переводя взгляд с одного слушателя на другого, посмотрев каждому в глаза, причем желательно равное количество раз и равное время, кроме ряда особых ситуаций. Я был прилежным учеником и свою историю рассказывал по вышеуказанной технологии. Получилось что-то вроде считалки. После каждого предложения я переводил взгляд на следующего слушателя – и так по кругу. Оттарабанив свой эпос, я, довольный, увенчал его «вишенкой»:

– А умирают, в основном, на любовницах...

Но считалка выбрала не того человека.

Последние слова я произнес, глядя в глаза жене музыканта NN. Более того, я глупо заулыбался. При этом взгляда с нее не сводил (речь-то закончилась, моя считалка тоже). Повисла прекрасная пауза, и я начал медленно покрываться росой.

NN спас ситуацию:

– Дорогая, я умру на тебе! Не волнуйся!

В компанию меня приняли, но еще долго припоминали мою способность быть тактичным.

Наш ответ BDSM, или Общество защиты животных

Я думал, это анекдот, ан нет. Приятель пожаловался, что жена, пообещав ему секс с утра, поставила будильник на ПЯТЬ минут раньше.

Моя подруга много лет назад вышла замуж и, кстати, до сих пор счастлива в браке. Избранник ее обладал и, надеюсь, обладает, двумя достоинствами: абсолютная вежливость и практически абсолютная верность. Однажды эти два вектора пересеклись и поставили сексуальную, да и всю жизнь ячейки общества на грань дефолта. Историю мне рассказала подруга, поэтому мужской версии я не знаю.

Однажды ее муж Гриша вернулся домой после девяти, сказав, что впервые за полгода сходил в спортзал, весь там измучился, после этого еще долго сушил волосы, грел машину и так далее, и так далее. Отклонение от графика на три часа получило приемлемое оправдание. Атлет в изнеможении рухнул на диван и приготовился к ежедневному мужскому ритуалу «внезапная смерть от усталости».

Неожиданно пискнул телефон, стоявший в коридоре на зарядке. Отходящий в мир иной муж зашептал:

– Мариночка, если тебе несложно, будь добра, посмотри, пожалуйста, что там с телефоном, нет сил...

Моя подруга, отработав весь день в больнице им. Мечникова, что было в часе езды от дома, сходя в магазин и приготовив ужин, устала не меньше мужа, но не смогла противостоять такой вежливости и поплелась за телефоном.

– Что там? – донеслось из комы.

– СМС.

– Прочти, пожалуйста, чтобы снова не нести на зарядку. Спасибо тебе большое.

– Гриша, я не копаюсь в чужих СМС.

– Я тебя очень прошу, у меня нет от тебя секретов.

Марина открыла СМС и несколько раз перечитала про себя следующий шедевр:

«Ёжик, ты доехал? Я уже хочу еще. Твой хомячек» («хомячок» было написано с ошибкой).

Надо сказать, моя подруга ненавидела в этом мире две вещи – хирурга, неудачно наложившего швы на разорванную во время падения в горах губу, и людей, использующих уменьшительно-ласкательные названия животных в интимных отношениях. Врача, правда, она простила.

Марина вспомнила о статье за убийство, выдохнула, подошла к мужу и громко прочла:
– Ёжик, – пауза, взгляд в округляющиеся глаза Гриши, – ты доехал? – Гриша стал напominать человека, увидевшего бегущего на него тигра. – Я уже хочу еще! – Тигр мощно отталкивается лапами и с разинутой пастью летит прямо на маленького мальчика...

– Твой хомячок!!! – рявкнула Марина.

– Кто????!! – Гриша выскочил из комы и взлетел к потолку, опрокинув на обитый черной тканью диван протеиновый коктейль, который он пил почему-то дома.

– Какой ёжик, какой хомячок?! Это не я, тьфу, это не мне!!!

– А кому?! Мне даже не так важно, что это за безграмотный скунс тебе пишет, и что у тебя с ней было. Но ёжик! Ты врал мне, что также, как и я, ненавидишь эти мерзкие словечки! Может, все остальное тоже неправда, спортсмен хренов?!

– Я их тоже ненавижу! – Гриша перешел на фальцет.

– Ну ты же понимаешь, я бы никогда никого не назвал хомячком! Это какая-то ошибка!

Гриша в отчаянии рухнул в протеиновую лужу, вскочил снова, начал отряхиваться, и белые брызги полетели Марине в лицо. Эротическая комичность последнего события несколько разрядила ситуацию. Оба не сдержали улыбок, но через миллисекунду Марина вернулась в образ Шрека, а Гриша в образ кота из того же мультфильма.

– Мариш, это, правда, какая-то ерунда... Я даже не знаю, что это за номер. Давай на него позвоним?

Вид у Гриши был такой несчастный, что Марина начала подозревать его в честности.

Телефон поставили на громкую связь, рот Грише заклепили невидимым скотчем. К голове приставили невидимый пистолет.

– Кто это? – без всяких «алё» ответил грубый и неприветливый мужской голос. Типичный альфа-хомяк.

Марина опешила, подумала: «Надеюсь, Гриня не гей, так как если это и есть хомячок, папа в этой паре именно он», – и сняла невидимый Стечкин с невидимого предохранителя:

– Извините, пожалуйста, но с вашего номера только что пришло СМС на номер моего мужа, и я случайно, – Марина прожгла Гришу взглядом, – его прочла, а там такой текст, что теперь у нас дискуссия.

– Чо у вас? – Судя по всему, слово «дискуссия» хозяин номера услышал впервые.

– Ты кто вообще, чо за СМС?

– Ну текст такой: «Ёжик, ты доехал? Я уже хочу еще, твой хомячок». Это не вы писали?

– Что?! Прочти еще раз!

Марина повторила этот «мутабор».

– Значит, так, овца, слушай меня внимательно, хомячок – это, наверное, моя жена, так как это ее номер. Но с ней я разберусь, а вот ёжику, мужу твоему, ноги вырву, жди, – трубка отключилась.

У Гриши отклеился несуществующий скотч. Марина даже не знала, что сказать. С одной стороны, звонок ничего не подтвердил и не опроверг. Разве что муж ее оказался не геем, но, с учетом сказанного по телефону, цена у этой информации могла оказаться слишком высокой. Гриша окаменел. Он регулярно бывал бит в школе, потом в институте, а в конце 90-х умудрился подрезать какого-то братка и чуть не остался без машины.

– Марин, это, правда, какая-то ошибка, – неуверенным голосом начал он новое объяснение. – Ты... Ну, пожалуйста... выслушай меня. А то вдруг они уже сюда едут со мной разбираться.

Более хладнокровная Марина понимала, что прямо сейчас хомячка вздергивают на дыбу, он пищит и дает показания, так что время еще есть. Тем более номер телефона – не адрес.

– Что ты хотел сказать?

– Ты же меня знаешь! Я не очень-то рисковый. Неужели ты думаешь, что я стал бы мутить с женой ТАКОГО человека? Да я бы и телефон ее записал в книжку, потому что с памятью беда. И главное, Марин, я клянусь, что два часа в спортзале был! Там же регистрируют всех, и это... тренера Володю спросить можно. Ну что я, Штирлиц, что ли?! Меня парковщик запомнил, и за молоком я заехал для коктейля, там меня продавщица опознает.

Марина понемногу начала ощущать себя Глебом Жегловым – не лучшая для жены роль. Более того, логика в сбивчивой речи ее супруга присутствовала. Взяв свой и мужнин телефон, она вышла в другую комнату:

– Сейчас приду.

Гриша схватил бутылку виски и глотнул из горлышка. Не помогло. По телевизору как раз шел повтор сериала «Бригада», и в нем опять всех убивали. Потенциальный труп ежа взял кухонный топорик и решил биться до последнего, в очередной раз пообещав себе, что, если выживет, пойдет на бокс.

Через пять минут жена вернулась.

– Жди. Может, нам... точнее, тебе повезет. Если нет, я сама придушу за вранье.

Вскоре раздался телефонный звонок.

– Да, Сергей Иванович. Спасибо большое! Не знаю, как и благодарить. Хоть всю жизнь теперь лечитесь. Ну да, спортсмен из него никудышный. До свидания!

Держа в одной руке бутылку, в другой топор, Гриша проблеял:

– Сергей Иванович – это кто?

– Главный по хомякам! Генерал ФСБ, мой пациент, говорит, ты на самом деле в спортзале был, правда есть свидетель, что ни хрена ты не занимался, а болтал с тренером, и фары, болван, не выключил, но алиби у тебя есть.

– А что с бандитом делать будем? – нервно поинтересовался частично спасенный ложный ёж.

– Сказал не волноваться, да и с чего ты взял, что он бандит. Может, ветеринар. Топор положи.

Гриша, говорят, еще несколько дней ходил озираясь и от звонка с незнакомого номера кривился всей физиономией.

Наконец, успокоившись, в один из вечеров он намекнул на готовность к интимной жизни. Через пару минут прелюдий Марина начала смеяться.

– Гриня, ты прости, но давай попозже, я не могу сей час, – и расхохоталась еще громче.

– Почему? – муж настороженно посмотрел в зеркало, пытаясь найти на себе костюм клоуна или хотя бы неснятые носки. Но нет. Гриша был гол как сокол.

– А ты представь, как ёж с хомяком...

В общем, секс в семью вернулся не скоро. Ведь пошлость может убить любые чувства. Господа, оставьте животных. Навсегда.

Суд из-за неудобной упаковки презервативов

Время, когда мне придется выдумывать сюжеты, неумолимо приближается, но есть еще правдивые неопубликованности. Вот одна из них. Опять же, клянусь светлой памятью моего разгула, всё так и было. ВСЁ.

У постсоветского повесы существовала только одна проблема – где взять временно свободную квартиру, комнату, дачу, коридор, угол. Поэтому наша жизнь 90-х представляла собой этакий Яндекс Такси, только вместо свободных машин радар искал оставленную чьими-то родственниками жилплощадь с кроватью или без.

Иногда это можно было запланировать, ибо дачные обязанности старшего поколения неизбежны, как налоги и конец отпуска.

В один из таких благословенных позднеосенних дней мы с подругой были одарены квартирой на 13 часов.

Полноценным героем событий был мой первый автомобиль. ВАЗ-2105, купленный на деньги от каких-то непонятных махинаций с долларами и таких же уроков английского языка. Повидала эта машина многое... В основном, 18+. Но об этом в другой раз. Так вот, газуя от нетерпения, я прибыл в указанный квадрат. Машину припарковать удалось с обратной стороны дома, то есть до парадной (москвичи выругались в этот момент) – повторяю, до ПАРАДНОЙ – нужно было идти. Эта подробность важна для визуализации мизансцены. Обойдя дом, я через 10 наносекунд был у двери, за которой обнадеживающе играла музыка. Встречались мы с подругой уже некоторое время, поэтому чай пить представлялось неуместной тратой времени и чая.

Я параноидально контрацептивен и пачка презервативов была со мной всегда, как у некоторых партбилет. Прелюдии пролетели словно компенсированное время в финале Лиги чемпионов, и настал момент частично облачиться в латекс. Но латекс, сволочь, схоронился як Янукович у Ростове. Нет, я правда хочу посмотреть в глаза Кулибину, который придумал полиэтиленовую обертку обычной пачки с тремя презервативами. Пока ее откроешь в ночи дрожащими руками, в зависимости от возраста, либо извергнешься, либо упадет то, что поднимали всем подъездом. Там есть такая узенькая хренушечка, которую нужно найти, подцепить ногтем, размотать... Все для людей, как руль у ВАЗ-2105.

Нервы у меня тогда были из оптоволокна, и я спокойно подошел к окну – единственному источнику тусклого света (осенняя ночь брала свое). При луне я решил покончить с презервативщиной и через некоторое время, справившись со всеми задачами, выдохнул, мечтательно посмотрел в окно и... превратился в тыкву.

Смотрел я на свою машину. Ее грабили.

Какой-то клошарского вида субъект спокойно стоял у открытого багажника моего корвета и лениво перебирал его содержимое. Рядом с ним стояло ведро, очевидно предназначенное для моего бензина. Я натянул джинсы, свитер, визгнул что-то ошарашенной подруге и побежал вниз. Как я уже говорил, парадная – да, ПАРАДНАЯ! – была с обратной от припаркованной машины стороны. Обойдя дом, я привел дыхание в норму и приготовился к битве. Я был худ, хил и беспомощен, но горд, безрассуден и жаден. На улице – ни души, только ваш покорный слуга и вор. Он сразу меня увидел, но копаться в багажнике не перестал, чем вконец испортил настроение. Я ожидал постыдного бегства, но нет. Поэтому, приближаясь, я думал, куда и главное, как бить. В голове стучала мысль: «Возьми палку, Хон Гиль Дон хренов». Идея хорошая, но с ней я бы обозначил свои намерения, а так был шанс притвориться прохожим и неожиданно обрушиться на рейдера со всей яростью ограбляемого полуеврея. Когда до цели оставалось метров семь, преступник развернулся в мою сторону. В руках он держал пистолет.

Идея притвориться прохожим нравилась мне все больше, а «яростно обрушиться» – все меньше.

Я невозмутимо прошел мимо налетчика, будто всегда в это время суток и года прогуливаюсь по району в свитере и ботинках на босу ногу. Оставалось спросить у товарища, как пройти в библиотеку. Глаза у гражданина были усталые, несчастные и пустые: бомж бомжом, но «Бог создал людей, а Кольт сделал их равными». Я понимал, что преступник он такой же неудавшийся, как и вся его жизнь. Не менее очевидным было и то, что ствол – максимум пневматика или просто игрушка. Но стоило ли проверять это ради нищесборского содержимого моего багажника? Нет. Я прискакал обратно в квартиру и неистово встал (филологи, пардоне муа) у окна. Воришка как раз занялся бензином.

«Кинуть, что ли, в него томиком Чернышевского», – подумала жертва насилия после разумного вопроса «Что делать?» Но тут на мое, воистину еврейское счастье я увидел двух милиционеров, идущих с другой стороны кустарника, отделяющего парковку от аллеи. Чудо

чудное, диво дивное. Истошным криком «машину грабят, ловите его» я включил свет в половине окон дома и достиг желаемого результата. Двое с наручниками моментально продрались сквозь кусты и взяли преступника с поличным. Через минуту я присоединился к компании. Вора прижали к дереву, его глаза бешено вращались, рот скривился от готовности зарыдать.

– Твоя машина?

– Моя. Товарищ милиционер, у него пистолет!

– Пистолет! Ну все, б... Ты попал. Это вооруженное ограбление, сядешь по полной.

– Я никому не угрожал! – заблажил подозреваемый.

– Угрожал? – обратился ко мне «злой полицейский».

– Вообще-то нет... – честно признался я.

В глазах бомжа блеснула вера в человечество. «Добрый» милиционер обыскал преступника и достал из недр ватника пистолет.

– Это что???

– Пневматика...

– А если я тебе, сука, в глаз сейчас выстрелю?! – голос «злого» звучал убедительно.

– Значит, так, потерпевшему из-за тебя, козла, в отделении всю ночь сидеть неохота. Нам ты тоже на хрен не нужен. Либо мы тебя сейчас в лесок отведем, отметелим так, что на морозе ты сам к утру коня двинешь, либо расскажи мне что-нибудь. – «Добрый» ткнул меня в бок и незаметно кивнул головой.

«Злой» достал дубину и спросил у напарника:

– Есть чем рот заткнуть? Он же орать будет как свинья.

Бомж истерически залепетал:

– Мужики, вы чего, я же только бензин слить хотел, чтоб бутылку купить. Я пальцем никого не трогал!

«Злой» замахнулся дубинкой и рывкнул:

– Да тут у третьей машины за неделю бензин сливают. Заткни ему рот!

– Мужики, это я! Я во всем сознаюсь!

– С парнем, вон, договаривайся, пойдет он на тебя заяву писать?

Умоляющие глаза горе-преступника не оставили мне выбора.

– Поехали в отделение, дайте только документы возьму.

Через полчаса мы с клошаром сидели по разные стороны решетки в оживленном фойе местного отделения милиции. Еще через полчаса явился дознаватель и стал задавать различные неприятные вопросы, типа где я был в момент преступления, что делал и как все произошло. На вопросе «А чего ты в окно посмотрел?» я вдруг понял, почему так неуютно сидится, – презерватив был на мне... События развивались настолько стремительно, что мысли, точнее руки, до него не доходили. Зато теперь я только и делал что пытался понять, почему он не свалился и что будет, если свалится, когда я встану?

– Так, ладно, это не важно, давай составлять список украденного. Что было в багажнике?

– Кеды... – хмуро начал я перечислять свои сокровища. – Футбольный мяч, домкрат, лопата, покрышка. Вроде всё.

– Так, запишем... пытался украсть у Цыпкина Александра Евгеньевича кеды, футбольный мяч и т. д., чем нанес гражданину Цыпкину... так... ммм... значительный или незначительный ущерб?

Я был погружен в мрачные размышления о том, не начнется ли у меня на члене диатез от долгого сидения в презервативе.

– А как понять, значительный или нет?

– Ну, не знаю... ты бы расстроился, если бы все это потерял?

– Да... Кеды хорошие... – пробурчал я, представляя, каково ЕМУ сейчас в латексе.

– Очень бы расстроился?

– Очень.

– Так и запишем: «Нанес потерпевшему значительный ущерб».

Еще через час я был дома, подруга спала, а я изучал под лампой причину многих моих будущих и прошлых неприятностей. Еще через месяц меня пригласили в суд. За это время историю моего ограбления я рассказал друзьям, и парни с юрфака объяснили мне, что фраза «значительный ущерб» прибавила мужику пару лет к сроку. Не знаю, правда ли это, но чувствовал я себя Берией. Люди вагонами воруют, а тут из-за кед человека посадят.

На суде было многолюдно. Я уже не помню, почему. То ли сразу несколько дел слушали, то ли мой преступник сознался во всех кражах в Петербурге. Человек двадцать, не меньше, сидело в зале. Очередь дошла до моего эпизода. Судья зачитал (понятно, что текст я помню приблизительно):

– Подсудимый такой-то украл у потерпевшего Цыпкина кеды, футбольный мяч, домкрат, лопату и автомобильную покрывку, чем нанес потерпевшему **ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ**, – громко отчеканила судья, – ущерб.

В зале раздалась злорадные смешки. Я стоял с «нашим знаменем цвета одного», понимая, что так рождается антисемитизм.

– Товарищ судья, а можно изменить показания?

– В смысле?

– Нууу... ущерб незначительный.

Снова гадкие смешки в зале. Я продолжал рдеть.

Что было дальше, из памяти стерлось. Приняли мои изменения или нет, не знаю. Надеюсь, приняли. Кеды в багажнике, кстати, так и остались. Они уехали вместе с мячом, домкратом и лопатой к новому владельцу машины, что, как вы понимаете, нанесло мне значительнейший ущерб.

Разве что из-за этого никто не сел в тюрьму. Принципиальная разница.

50 оттенков счастья

«Невский экспресс». Пассажир. Средний представитель Средней России, среднего возраста. Черно-синяя полосатая уставшая рубашка, живот 11-го месяца, запотевшие незлые глаза, бесформенные брюки, исхоженные ботинки. Скучает. Выпил коньяк. Веселее не стал. Вдруг ожил, заулыбался, неуклюже попытался за лежащим на полке портфелем. Триста раз извинился.

С лицом мальчика, раскрывающего коробку под елкой, достал книжицу с закладкой из расчески. Рухнул в кресло. Надел расшатанные очки. Пухлые пальцы отворили страницы. Глаза зажглись. Мир вокруг погас.

Смотрю на обложку:

«50 оттенков серого».

Счастье так многообразно.

@atsypkin Twitter. Лучшее из худшего

Как может страна, в которой почти все через жопу, так рьяно бороться с пропагандой гомосексуализма?

Заговор – это ребенок, чьи родители – власть и заговорщики. Генетика должна быть мощная с обеих сторон, чтобы на свет появился талант.

Некоторые люди боятся смерти не потому, что придется за все отвечать, а потому, что выяснится, что и ответить толком не за что.

Интересно, сколько раз в истории фраза «Хочу побыть один/одна» НЕ означала «Хочу побыть не с тобой»?

Есть что-то символичное в том, что немецкий город, завоеванный у немцев большевиками, назван в честь большевика, которого спонсировали немцы.

Нарочитая и неуместная демонстрация эрудиции сродни ситуации, когда девушка загорает на даче накрашенная, в бриллиантах и на шпильках.

Когда человек гордо заявляет «я не продаюсь!», это некий выход его постоянного внутреннего вопроса «почему меня никто не покупает?!»

В России отношение народа к правителю проходит пять обязательных стадий:

1. Недоверие.
2. Подобострастие.
3. Разочарование.
4. Презрение.
5. Ностальгия.

Лучше долго искать «своего», чем все это время переделывать «чужого», который для кого-то может стать «своим» без всяких кастраций и тюнингов.

Женщины непреклонного возраста

Кимченыра

Часть первая. Позор

Моя подруга Ира пошла договариваться об устройстве сына-оболтуса в вуз. ЕГЭ егой, но там какие-то еще собеседования надо было проходить и невыдавленный советский опыт подбросил мамаше идею сходить на прием к начальнику. Ректор был предупрежден о ее визите, обещал помочь «на отношениях», то есть обычным питерским взаимозачетом: я вашего сына в институт – вы племянника Петра Сидорыча без очереди в загс на Английской – Петр Сидорыч моего дядюшку, опять же без очереди, на кладбище. Денег никто не видит, но тело движется.

Тем не менее, люди мы интеллигентные и всегда берем с собой уважительную бутылку.

Подруга моя – тоже дама приличная и пришла к ученому с коньяком в неимоверно пафосной коробке. Ректор был в прекрасном расположении тела и духа, пригласил заботливую мать в маленький кабинет за большим кабинетом, накрыл фуршет, скакал ланью, шутил и абстрактно надеялся. Ира отрабатывала визит, смеялась и поправляла волосы.

Ученый восторгался подарком, говорил, что это его любимая марка, сокрушался из-за «совершенно необязательных» расходов. Гостя кокетничала, рассказывала, как зашла сейчас в магазин и полчаса искала именно этот коньяк. Профессор предложил, не откладывая, распить подношение, суетливо раскрыл коробку, продолжая трещать как снегирь, достал изящную бутылку и замер.

Ира стала похожа на сливу и хотела одного – провалиться сквозь пол, подвал, землю, магму, ядро земли и далее до горизонта событий.

Бутылка была, как говорят оптимисты, наполовину полная.

Джентльмен не растерялся и добродушно пошутил:

– А ректор какого вуза выпил первую половину?

Ира заплакала. Она не плакала давно. Ни в кино, ни от дикой усталости, ни от зубной боли, но тут не выдержала. Было очень обидно. Отмечу, что моя подруга – образец порядочности, особенно в вопросах благодарности. Да, она соврала, что зашла в магазин, хотя взяла бутылку дома в ящике, где хранились годные к передариванию коробочки. И это был ее единственный грех.

Увидев женские слезы, ученый бросился успокаивать несчастную мать, налил чертов коньяк, выпил сам, извинился, налил Ире – она еще сильнее разрыдалась. Он извинился снова, успокаивал, предлагал воду, говорил, что все это пустяки и, мол, бывает. В общем, достойный человек. Более того, он заверил мать, что сделает для ее сына все, что в его силах.

Ира попросила разрешения забрать коньяк с собой, чтобы он не напоминал о позоре и, испугав приемную заплаканным лицом, покинула храм науки. Цель прихода, кстати, была достигнута. Но...

Как виноград неизбежно становится вином, так и женские слезы обязательно обращаются в ярьсть.

Кто-то должен быть казнен. Ира послала мужу и сыну СМС следующего содержания: «Есть серьезный разговор. Всем быть дома в восемь».

Часть вторая. Суд

Надо сказать, что моя подруга – живое воплощение классического афоризма: «В нашем доме все решает папа, а кто папа – решает мама». Причем муж ее отнюдь не коала, но все равно в правах ограничен.

А вот дети (по-моему, 13 и 16 лет) – совсем строевые, дышат по расписанию. При этом Ира, разумеется, считает себя мягким человеком с прекрасным характером и очень обижается, когда ее называют Кимченурой.

В восемь вечера Ира в обществе коньяка вернулась с работы домой. Шесть тревожных глаз встретили ее в прихожей. Шесть дрожащих рук пытались помочь снять пальто. По-мужски себя вела только кошка Дуня. Ее единственную и наградили теплым взглядом и хоть каким-то словом.

Далее без предварительных ласк состоялся суд.

Ира, по старой российской традиции, одновременно выступала в роли прокурора, судьи, адвоката, следователя, свидетеля и палача. Дуня – секретарь суда. Муж, сын и сын – обвиняемые.

В начале разбирательства мать сообщила о полной бессмысленности существования всех троих мужчин в ЕЕ доме. Все тянет она, никто ни хрена не делает и ни о чем не думает. Все эгоисты и беспомощные бездельники. Кстати, Ирин муж – врач с именем и совсем не бедствует. Но это для справки.

Отец семейства, привыкший к статусу «вечно виновного», спокойно выслушав прелюдию, поинтересовался:

– Ир, случилось-то что?

– Что случилось?!

Ира достала бутылку и, прожигая взглядом воздух, спросила:

– Кто это сделал?!

Далее последовал рассказ об утреннем позоре.

– Мам, а я что, поступаю в NN университет??? – удивленно пролепетал виновник торжества. О планах на свое будущее он, как и всегда, впрочем, узнал последним.

– Да, поступаешь! – рявкнула Ира. – Если ты, бестолочь, хоть что-нибудь сдашь!

У парня имелась другая мечта, но возражать сейчас было бессмысленно, и он загрузил еще сильнее.

– Итак, кто выпил коньяк?

– Я не пил, можно я пойду? – облегченно выдохнул младший.

– Может, в субботу к брату друзья приходили, а? – Малюта Скуратов в юбке знал, кого спрашивать и о чем. В выходные дети оставались дома одни.

В комнате запахло потенциальным предательством.

Папаша, поведавший мне эту историю, сказал, что в тот момент особенно напрягся, переживая, достойного ли сына он воспитал. В выходные дома, естественно, была тусовка, которую он диагностировал по окуркам на балконе.

Младший молчал.

Однажды брат в компании друзей связал ему ноги и посадил на бюст Лермонтова, если не ошибаюсь, в Александровском саду, и устроил фотосессию. В другой раз та же компания сбросила из окна на голову парню презерватив, наполненный водой... И это были добрые шалости.

– Я спрашиваю, что было дома на выходных? – Гаррота мамино взгляда неотвратимо затягивалась.

Младший молчал.

Дважды его сменная обувь была склеена «Моментом» и один раз отобраны лыжные палки прямо на горе.

– Ты что, оглох?!

– Я пытаюсь вспомнить. Старший не выдержал:

– Да, ко мне приходили друзья, но, честное слово, мы не трогали коньяк!

– Что ты врешь?! – Око Саурана поменяло объект испепеления.

– Мы коньяк не пьем! – фальцетил подследственный. – Как его вообще можно пить...

Врач успокоился – детей он воспитал хороших.

А вот Ира была готова взорваться миллиардом осколков. К проблеме выпитого коньяка прибавились несанкционированная тусовка и пьющий сын школьник.

– Надеюсь, ты меня не подозреваешь? Я бы чаем разбавил, чтобы улик не оставлять, – усмехнулся опытный глава семьи. Младший наверняка его слова потом записал. – А коньяк Валера на Новый год подарил, давай я ему позвоню.

Валеру коньячный вопрос огорчил не меньше Иры:

– Так это я ТЕБЕ! подарил!!! Мы целую неделю с женой мучаемся. Она тут спрашивает: «А где мой коньяк?» Я говорю: «Что значит твой? Я его кому-то на Новый год подарил. А что? Он же в коробке стоял!» Она мычит: «Я его вечером по чуть-чуть пью». Я в крик: «А из коробки почему не вытащила, дура?!» И вот деревня, прикинь, чего говорит: «Коробка такая красивая, я не смогла ее выбросить». Прости ради Бога, новая с меня.

Врач поведал об этом Ире. Она в ответ озвучила универсальную женскую позицию:

– Друзья у тебя идиоты, жены у них дуры и ты, болван, не мог проверить, что тебе дарят. Мысль о том, что она сама не проверила, что дарит, не пришла ей в голову.

Но она девочка, ей все можно.

P. S. А старший брат, говорят, младшего зауважал.

Об этом и история.

Вербовка

Приходит ко мне на собеседование девушка.

Уже шестая за день (не знаю, почему резюме мужчин HR-менеджер не нашел). Я мрачен, недоволен и спесив. Они мне все не нравятся, независимо от резюме, профессиональных качеств и длины юбки, так как накануне в другом проекте меня поставили перед строем коллег и под бурные продолжительные аплодисменты отменно выпороли за незначительный, по моему мнению, провал. Понятно, что наказания я не боюсь, но друзей по работе эндорфинить не люблю.

Итак, зашла. Все в ней не так. Даже исключительная молодость и цвет глаз. А еще – какая наглость! – слушает в плеере что-то. Пока она убирает наушники, интересуюсь:

– Что слушаем?

– *Depeche Mode*.

Я моментально забыл злорадных коллег, полюбил цвет глаз, вчитался в резюме и вообще принял облик Матери Терезы на исповеди. Надо сказать, что тогда о моей музыкальной страсти особо никто не знал, и каждую родственную душу я встречал с распростертыми объятиями.

– Какой альбом?

– Я как-то старое люблю, то, что до ухода Уайлдера, – мои чакры звенят. – Так что сейчас *Music for the masses* слушаю, а вы любите Дешеш?

У меня открылись даже запасные чакры, и фонтан вселенской любви залил переговорную. Далее состоялась подробная беседа об обожаемой группе. Я узнал много нового о раннем Горе, дизайне обложек альбомов, необычных ремиксах и т. п. Только кивать успевал. Затем было короткое, но очень интенсивное интервью. Девушка не то чтобы оказалась сильнее дру-

гих, но не слабее точно. Мне нужно было принимать профессиональное решение, и я понимал, что нельзя руководствоваться только музыкальными вкусами.

– Что-нибудь еще хотите сказать?

– Я быстро учусь и у меня хорошая память.

– Есть доказательства?

– Думаю, да, – еле уловимое движение уголков рта напомнило разбивающуюся чашку из Usual Sus pects. – Я была год назад на лекции, где вы рассказывали, как нужно вербовать человека, изучать его вкусы, привычки и как находить о нем информацию.

Мы чакры начали отчетливо понимать, что хозяина только что раздели и выставили на площадь, а он не заметил толпу, думая, что стоит один у себя в комнате.

– Еще вчера днем я НИЧЕГО не знала про Depeche Mode. Но у меня была целая ночь впереди.

Как она на меня посмотрела! С чувством полной и не подлежащей реваншу победы. Пожалуй, этот чересчур испепеляющий взгляд был ее единственной дипломатической ошибкой, но зато выдал наличие человека в женщине, что мне всегда ценно, особенно в работе.

Я ее взял. За исключительную память и умение находить нужную информацию. Повторюсь, в то время ни татуировки Never let me down again, ни концертных фотографий на моих страницах в социальных сетях у меня не было. То есть реально о моей одержимости узнать можно было, только как следует покопавшись в немногочисленных интервью или допросив кого-то из ближайшего окружения.

Как потом выяснилось, для получения нужных данных был завербован один мой наивный товарищ. Подумаешь, делов: общие друзья, короткая переписка, кофе ОДИН раз. Насчет человека в женщине я все-таки ошибся.

Подруги

Женщина о женщине: «Ира далеко не дура, несмотря на внешность».

Лучшую подругу девушки легко определить по комментарию к ее новому аватару: «Красотка! Не узнать!!!»

Не так давно мои друзья отметили 20 лет свадьбы. Предприятие, надо сказать, рискованное. Другая пара из моего окружения, помнится, решила отметить более скромный юбилей. Они долго спорили о формате праздника, гостях, расходах, не хотели друг другу уступать, ругались, ссорились и в итоге развелись с жутким скандалом и судами.

Герои этого повествования оказались более удачливыми и, дай Бог, дотянут до золотого юбилея. По прошествии праздничного мероприятия муж рассказал мне чудесную опереточную историю. Она, конечно, больше о специфике женской дружбы, но и о моем приятеле тоже многое говорит.

Лет пять назад и без того не очень бурное море любви моих друзей К. (муж) и Н. (жена) стало заболачиваться. Пятнадцать лет вместе, полная тоска и уныние. Жена начала сомневаться в своей привлекательности, муж необдуманно отмечал привлекательность других женщин. Однако, либо К. на самом деле был на редкость целомудренным, либо просто мудрым организатором. Но, кроме периодических комментариев в адрес какой-нибудь мисс мира, поводов для ревности супруге не давал. В итоге даже это единственное развлечение в долгом браке оказалось ей недоступно. Никаких страданий. Как назло, некоторые подруги начали планомерно разводиться, и их жизнь наполнилась яркими событиями.

Разумеется, нашлись и те, кто с особым цинизмом рассказывали тоскующей Н. о своих новых романах и заоблачном сексе. Правда, у этих героинь сериала дальше примитивных интрижек и весьма облачного секса (если смотреть на него трезво) дело не шло. Они оставались одни, либо возвращались к мужьям, которые иногда даже не замечали их отсутствия, так

как футбол из телевизора не исчезал, а холодильник кое-как наполнялся самостоятельно. Тем не менее, кое-кто из подруг все равно умудрялся после подобных провалов доказывать Н. эмоциональную бессмысленность ее существования. «Но главное – дети, а ты прекрасная мама», – такой участливой фразой очередная «яркоживущая» заканчивала свою лекцию.

Естественно, среди подруг были и счастливые жены, героини действительно шекспировских любовных историй и те, кто вел легкую свободную жизнь, полную безответственных оргазмов, но они не лезли со своими рассказами и поучениями. Просто не считали, что их жизнь хуже, чем у Н. «Лекторши» же считали и заткнуться не могли.

В итоге Н. загрустила. И вдруг ей на работу (она трудилась тогда на одном из телеканалов) приносят цветы и открытку с подписью: «Дмитрий (театр)». В открытке – стихотворение. Неплохое. Кто этот Дмитрий, Н. не представляла. В театре за последнее время она была несколько раз, но вроде ни с кем не знакомилась. Через пару недель – новый букет и новое стихотворение. Обратного адреса нет, редакция жужжит, эндорфины бурлят. Н. понимала, что вовсе не хочет знать имя отправителя, так как не представляла, что делать со свалившимся на ее голову поклонником. Тем не менее, профилактический эффект был налицо. Искры в глазах, взятые штурмом бутики, новая прическа и вернувшаяся уверенность в собственной неотразимости. Муж тоже оживился, срочно соорудил отпуск, пригласил супругу в театр и т. д. Букеты Н. домой не приносила, но ауру на работе не оставишь.

Такие перемены в жене любой заметит. Не проинформировать о происходящем «яркоживущих» подруг Н. не могла. Они искренне, до боли в ботоксе, радовались за нее. Каждая строчка стихов поклонника отзывалась в их организме будущими заболеваниями нервной системы и желудочно-кишечного тракта. Тяжелый стресс, вызванный счастьем близкого человека, приходилось заедать чуть ли не прозаком. Особенно жестокими были рифмы про естественную красоту и женственность форм, в сравнении с бесполоыми бамбуковыми удочками современных глянцевых героинь. В общем, пережить наличие у кого-то сразу и мужа, и романтического поклонника не представлялось возможным. Надо было действовать.

Одна из подруг приехала к К. на работу и сообщила, что хочет спасти их брак, так как переживает за обоих и считает своим долгом предотвратить трагедию.

С искренней яростью во взгляде трижды разведенная хранительница семейного очага зачитала К. стихотворение и добавила:

– Стихи, конечно, ужасные, но любой женщине получить их все равно приятно. Я знаю, как ты ее любишь, и уверена, что она любит тебя. Иногда, знаешь, случается затмение... но никакое затмение не стоит настоящей семьи.

– Завидуешь? – посмотрев ей в глаза, улыбнулся К. – Понимаю.

«Подруга, такая подруга» вспыхнула, развернувшись и в негодовании удалилась.

Вечером К. подошел к жене, прочитал по памяти строчки из «доноса» и, обняв остеклевшую от ужаса Н., добавил:

– А мне казалось, стихи хорошие, обидно даже. Хотя, может, и правда, поэт я так себе.

– Но почему «Дмитрий» и «театр»? – спросила восхищенная Н.

– Мы познакомились в театре, и я прочел тебе Мережковского.

Р. S. Узнав о финале истории, подруга не изменила себе, холодно отметив: «Да точно у него роман с кем-то, раз стихи тебе пишет. Вину чувствует, сволочь».

Порядочный человек

История, рассказанная женщиной в состоянии ярости.

Пару лет назад моя подруга С. завела роман с женатым человеком Д.

Понимаю, что сейчас многие читательницы осуждающе покачали головой, но здесь точно не товарищеский суд, и еще я помню что-то из античного «кто без греха» и т. д.

И как сказала мне однажды мудрая женщина: «Измена – это не очень хорошо, но уж если изменяешь, веди себя как мужик». Об этом и история.

Обстоятельства дела следующие.

Д.: Женат с юности, в браке уже лет десять, двое детей, достижения в профессии средние, жену опасается, романтичен, начитан, не Брэд Питт. Живет в Петербурге.

С.: Только что разошлась с мужем. Умна, красива, с жестоким чувством юмора, 105–70–90, карьеристка, современна в пределах разумного. Не очень верила в любовь. Порядочна. Живет в Москве.

Встретились они случайно, на какой-то конференции. Все как обычно: вечернее мероприятие, много шампанского, предложение подготовиться в номере к следующему дню деловой программы.

Как мы уже знаем, что Д. – не красавец, а С. и вправду хороша, особенно выпуклой фигурой. В общем, поплыл товарищ конкретно. И вдруг в момент, когда платье уже снято, а остальное нет, звонит его телефон.

На экране определение «любовь моя». Пошлость, с учетом обстоятельств – жуткая, и тем не менее. Подруга говорит: «Если надо, ответь, я помолчу».

С перекошенным лицом Д. берет трубку и уходит в ванную. Возвращается мрачнее тучи.

«Она просит прислать видео номера».

Отмечу, что компания Д. щедростью не отличалась и номер был такого размера, что как его ни снимай, человека там не спрячешь.

«А зачем ей видео номера в отеле?»

«Я стал рассказывать про конференцию, отель, и как-то само получилось. Мы часто шлем друг другу видео».

Д. было жалко, но он почему-то молчал и ничего не предлагал. Подруга моя, девушка решительная и язва редкая, не могла такую ситуацию пропустить:

«Ты мне предлагаешь спрятаться под кровать или в шкаф? Извини, но в шкаф не влезет моя грудь».

Д. чуть не плакал, но, собравшись с силами, выпалил: «А ты можешь ненадолго выйти из номера?»

Обалдев от такой прямоты, С. оделась и вышла, как ей казалось, навсегда.

Д. ничтоже сумняшеся через пятнадцать минут начал писать, дескать вернись. С. ответила, что романтическое настроение у нее закончилось.

Далее началась осада Ля Рошели. Бесконечные СМС, романтические песни, сердцедробительные стихи – свои и чужие. И, разумеется, извинения. Целыми днями, но только с 9:00 до 20:00. Далее в call-центр, понятно, приходил менеджер.

Через пару недель у Д. образовалась командировка в столицу. Он явился прямо в офис С. и выступил с речью. Здесь надо отдать должное таланту нашего героя. Писал и говорил Д. прекрасно. Ознакомившись с несколькими абзацами, отмечу, что Станиславский ему поверил бы. Врать о любви ради секса – такая нижайшая низость, что С., конечно, не могла заподозрить петербургского аристократа в такой омерзительной манипуляции и тоже поверила. С другой стороны, выяснить, все ли так, как пишет товарищ, хотелось немедленно, а не через месяц. То есть секс был неизбежен сразу по двум причинам.

Честь петербуржца Д. не уронил. Сразу после оргазма он дословно повторил то, что написал за две недели. А все что сказал мужчина, эти десять-пятнадцать минут, когда нам не до секса и женщина временно теряет власть над нашими инстинктами, и есть правда. Кстати, Д. повезло: жену и любовницу звали одинаково, так что не возникало «заек» и «котиков», которые обычно не более, чем способ не запутаться в именах.

В общем, ситуация значительно ухудшилась. Д. действительно влюбился. С. сразу определила границы общения: короткий бурный роман без угрозы семье. Д. радостно согласился, но огорчился отсутствию романтики в его возлюбленной.

Стихи и песни, тем не менее, не заканчивались, тексты СМС пестрили «никогда до этого», «впервые такое» и т. д.

В Москву, правда, бережливый Д. приезжал лишь за счет компании, и в тот единственный раз, когда купил билеты сам, сразу гордо заявил об этом, упомянув цену. Моя подруга не стала жалеть парня:

«Сам билеты купил? Это поступок. Поехали тогда сразу домой – надо же отбить расходы».

Она никогда ничего не требовала от мужчин, но ненавидела скупость и мелочность.

Д. обиделся и пятнадцать минут не разговаривал с «лучом света, мерцающим в его небе» (цитата).

Были еще кое какие поступочки, свидетельствующие о дефиците мужских качеств у петербургского товарища, но С. закрывала на них глаза. Крестить детей с ним она не собиралась. Однако следующий экзерсис пропустить не смогла.

На 14 февраля один из поклонников подарил С. роскошный букет, занявший всю ее квартиру. Д. увидел его по Скайпу и устроил сцену ревности, чем немало озадачил предельно логичную С.

«Начнем с того, то ты мне цветы не даришь».

«Я не могу».

«Почему, стесняюсь спросить?»

«У нас с женой общие счета, и она увидит, что я кому-то купил букет. Не хочу ее расстраивать и причинять боль».

С. была готова расплакаться от умиления. Какой все-таки хороший мужик. Спорить с такой аргументацией не представлялось возможным.

«Хорошо, допустим наличные тоже проблема, но, прости, почему мне мужчина не может подарить цветы?»

«Мне кажется, это небольшое предательство нашей любви».

С. прослезилась еще раз. Не только хороший, но еще и романтичный, с принципами. Редкость сегодня.

«Прости, а ты спишь со своей женой?»

«Это неизбежная жертва, но в остальном я тебе верен».

Каждый тезис говорил о бесконечной интеллигентности истинного петербуржца и его гранитной силе воли.

«А как ты себе дальше все представляешь? Мне не хочется тебя огорчать, но я планирую тоже когда-то выйти замуж, а разрушать твою семью не хочу».

«Я понимаю, но подумай о моих чувствах. Мне больно это слышать... Когда это случится, я просто уйду из твоей жизни».

Гвозди из таких людей нужно делать.

Беседа отрезвила С. Роман явно пора прекращать, хотя в нем было много действительно прекрасного и даже редкого. Д. оказался удивительно чувствительным человеком. Он проник в самые дальние комнаты женской души, вытаскивал из С. детские мечты, писал именно те слова, которые девушка хотела услышать. Обожаемого С. Маяковского Д. знал наизусть и посылал песни, которые С. в юности слушала и плакала от одиночества. Он убеждал С. в ее исключительности, неповторимости, бесконечной женственности, и, главное, она была желанна как никогда. Усугублялось все тем, что Д. говорил правду. Он так чувствовал.

С. простила и ситуацию с цветами, но случилась неприятность: Д. потерял концентрацию и оставил включенным компьютер с неотправленным С. очередным романтическим при-

знанием. И надо быть таким лузером, что именно в этом письме наш романтик написал о беспроектности и серости своей семейной жизни, особенно ее сексуальной составляющей. Жена взорвалась.

«Сань, я ее понимаю. Измены моего первого мужа меня, конечно, расстраивали, но я знала, что для него это просто развлечение, поиск обожания, которого я не давала, а любит и боготворит он меня. Может, даже больше, чем я хотела».

Состоялся семейный разговор. У Д. хватило мозгов уйти в глубокую несознанку насчет масштаба адюльтера. Врать, как оказалось, он умел, да и в письме не было прямой фактуры. Д. жаловался на жену, при этом детали отношений с С. не описал. Не знаю, поверила ли Д. жена, но с поездками в Москву, очевидно, нужно было завязывать.

С. решила, что это знак, и предложила все закончить.

Д. опять отличился. Написал полное драматизма письмо и попросил С. приехать в Петербург. Билеты, правда, не прислал и про отель тоже не заикнулся.

Но для С. это было уже неважно. Она понимала, что дальше будет только хуже. Д. не сдавался, но ничего конкретного не писал, лишь тупо жаловался на жизнь несчастного человека, который любит одну женщину, а живет с другой.

Еще один забавный момент. Жена не очень любила ряд эротических изысков Д., и он все время нервничал и путался, что и в какой постели ему можно. С. регулярно успокаивала его: «Ты не дома, продолжай».

Однако Д. злоупотребил милосердием и пониманием.

«Я не знаю, что делать, и дело даже не в тебе. Мне кажется, я и правда не люблю свою жену. Помоги мне сейчас советом как друг».

«Прости, ты хочешь, чтобы я за тебя это решила?»

Ярость в С. стала замещать любые чувства.

«Ты хочешь, чтобы я ушел из семьи?» – пытаюсь снять с себя ответственность, причитал Д.

«Нет! Я хочу, чтобы мы с тобой закончили отношения и ты сам решил, любишь ли жену. Мне больно всё это. Понимаешь?! Больно!»

«Значит, хочешь, чтобы я ушел... Понятно, но пойми, я знаю ее десять лет, а с тобой мы виделись раз десять-пятнадцать, я не могу принимать такие безответственные и жестокие решения. Я все-таки порядочный человек».

Когда С. процитировала этот шедевр, я понял, что такого мне никогда не придумать – таланта бы не хватило.

Я вспомнил Простоквашино: «Тебя я давно знаю, а этого кота первый раз вижу». Оказалось, и это из жизни.

«Знаешь, я его разлюбила в этот момент и даже рада. Очень сложно, когда теряешь и правда достойного человека, которого разлюбить не за что. Я просто повесила трубку».

Д. написал еще несколько слезных посланий, в основном обвиняя С. в эгоизме и нежелании бороться за свою любовь. Часть многобуквенных писем заканчивалась неповторимым «Эх ты...» Решений он не предлагал, но тексты были душераздирающие.

«Почему ты просто не написала, что разлюбила его?»

«Не знаю... Переживала за него... Не хотела причинять боль, ему и так было плохо».

Неисповедима жалость женская, хотя кого-кого, а мужчин жалеть не надо. Мы как-нибудь сами справимся, мне кажется.

Через месяц Д. перестал писать. Приехать в Москву на разговор он так и не удосужился.

Прислал песню Come back when you can. С. остроумно ответила:

«Надоело быть Кеном, хотелось бы наконец пожить Барби. Сань, вы в Питере все такие порядочные?»

«Не, бывают беспорядочные, и они, кстати, более порядочные, так как слухи об их низком поведении гораздо быстрее бы распространились, а репутация для них – всё».

Яхтенная жертва

Бухты Сардинии напомнили мне одну сюрреалистичную историю, рассказанную «человеком из яхт-клуба» уездного города N. Не знаю, правдива ли она, но очень на то похоже. Разумеется, она про секс, хотя едва не закончилась трагедией.

Начнем с того, что, как оказалось, больше половины модных яхт (под яхтами понимаем не фрегат с парусом, а пентхаус с мотором) не покидают стоянки. Их используют в качестве смазки. Все как положено. Очередной сластолюбец везет юную, естественно, ничего не подозревающую нимфу кататься. Показывает плавучие хоромы. Нимфа сразу возбуждается, не может себя сдержать, жаждет отдаться. Мужчина колеблется (он ведь не такой, а весь «про море»), но из вежливости соглашается. А потом наступает типичная мужская посторгазменная лень или жадность «до топлива». Кататься никто никуда не едет, нимфу обещают развлечь в следующий раз, так как неожиданно в субботу вечером нужно срочно ехать покупать нефтепровод. И так каждый раз. Нимфы только успевали меняться и ставить галочку «была на яхте».

И вот в одном из таких или похожих сценариев произошел сбой.

Проводя очередную «экскурсию», владелец яхты увидел, как к причалу подъехала его жена и яростно затопала к лодке. Какая неожиданная, прямо космическая связь двух любящих сердец! Оба решили вдруг покататься. Выход с яхты один, а выкидывать нимфу по-разински за борт шумно и уголовно наказуемо. Дело ароматизирует разводом и, как мы все знаем из лайфньюз, половиной имущества. Но нашего мужика попробуй поставь в тупик! Размеры судна позволили запихнуть девушку в машинное отделение.

На яхте начался обыск. План-перехват результатов не дал. Жена грозно спросила, какого черта муж приперся на лодку. Мол, она СЛУЧАЙНО увидела его машину и поехала за ним. Тот резонно сообщил, что думал покататься. Зря, что ли, X денег отгрузил. Жена, пребывавшая в состоянии неопределенности, – то ли радоваться верности супруга, то ли грустить о впустую потраченном времени, – прокатиться согласилась.

Согласие поставило мужа в тупик. Он кататься точно не собирался, а с нимфой в машинном отделении – тем более. Яхтсмен, хоть и не яхтсмен, а понимал, что через полчаса его подруга окажется в душегубке, и хрен знает, как себя поведет. Однако иного выхода не было – романтическая прогулка началась. Надо отдать должное заботливости товарища: он затеял управляемый семейный скандал, и поездка закончилась очень быстро.

Жена спешно покинула лодку и укатила домой. Муж рванул в машинное отделение. Подруга была жива, но изрядно красна. Она так пеклась о семейных ценностях своего ухажера, что чуть не спеклась вовсе, но голоса не подала. Ее стойкость вознаградили очень дорогим подарком – вывозом на шопинг и другими вариациями мужского внимания. По рассказу очевидца, мужик был прощен и приголублен. Опять же говорят, что подруги героини высказывали готовность посидеть «в духовке» и за меньшие блага. Я, кстати, думаю, если это и правда, нимфа сидела не из страха или корысти, а реально, чтобы любовника не сдать. Редкий дар русских женщин – быть настоящим мужиком в безвыходной ситуации.

Тетушка

Занесла меня отпускная нелегкая в мальдивский кибуц. Кризис уже начался, и соотечественников было немного. Примечательной оказалась одна пара, назовем их Дама + Тетушка. Обе – дородные женщины к шестидесяти, связанные, я так понял, давней дружбой. Дама –

завсегдатай подобных мест, Тетушка приехала впервые. Думаю, ее пригласила на море приятельница.

Обе добродушные, спокойные, похожие даже чертами лица, но все-таки разные. Тетушка напомнила мне бабушку из советских детских фильмов: ласковые глаза, мягкие руки, немного утиная походка. Органичнее всего она выглядела бы с тарелкой манной каши в руках или со школьным ранцем, собранным для внука. А Дама... Что тут скажешь? Российская Брижит Бардо.

И вот – завтрак. Мы сидим за соседними столиками.

Они обсуждают фрукты и гостей. Недалеко пара... этих... как бы повежливее... Ну, тех, чьи сердца один бывший российский священник настоятельно рекомендовал сжигать. Выглядят обычными мужиками, без вычурного изыска. На улице встретишь поодиночке и плохого не подумаешь.

Тетушка смотрит на них, любитесь, и видно, как воспоминания юности катятся волной по ее светлomu лицу.

– Танечка, какие красивые мужчины вон там сидят. Одиноко им, наверное. Здесь, девушки-то все с парами.

– Люсь, ты чего?! ИМ не одиноко, за руки вчера держались в баре, – со знанием дела ответила Дама.

Я ожидал от Тетушки какой угодно реакции – презрения, удивления, брезгливости, возмущения, равнодушия, но...

Ее лицо залило сочувствие, будто внучок сильно заболел, или его выгнали из школы. Она тепло посмотрела на вполне счастливых гейропейцев и со всей безысходной славянской тоской в голосе произнесла:

– Горе-то какое...

Нокаут

Тусовка. Я растекаюсь от тщеславия: в узком кругу началось обсуждение моих фривольных рассказов. Постепенно беседа перешла от восхваления меня к осуждению нравов нынешнего поколения. Я расстроился, но разговор поддержал. Речь зашла о чрезмерно раннем вступлении в сексуальную жизнь. Одна из участниц так разумно отстаивала свою позицию (я уже не помню, какую), что я начал проигрывать. В качестве крайней меры решил прибегнуть к дешевому эпатажу. Думал, хоть время выиграю. Глядя прямо в глаза незнакомой женщине и раздуваясь от наглости, спрашиваю:

– Хорошо, а вы во сколько лишились девственности?

– В десять вечера.

Одинокaя эротика

В спортзале на беговую дорожку пришла принцесса с выпуклой фигурой и в футболке на голое тело. Красивая. Без вариантов. Побежала. Бедный мужик на соседней дорожке так усердно кивал в такт, что потерял равновесие и навернулся с диким грохотом.

Девушка продолжала бежать, так как была в наушниках. Да и, судя по тюнингу, звук падающих мужчин был привычным аккомпанементом в ее жизни. Я еще раз поблагодарил Всевышнего за богатый жизненный опыт и решение свалить на велосипед до аналогичного исхода. Из моей «ВИП-ложи» взлетающие соски были не видны, поэтому я со спокойной душой (и телом) проехал свои километры. Надо отметить, что остальные любители истового забега тоже сошли с дистанции достаточно быстро. В итоге спасательница Малибу осталась одна. Она тут же переместилась на тренажеры и села качать внутреннюю поверхность бедра.

Покалеченный бегун плюнул, рванул от груди максимальный вес и дезертировал. Потом я узнал у ее тренерши, в чем проблема. Оказалось, девушка замужем. Секса нет уже полгода. Точнее, есть, но раз в месяц. Плачет, что муж ее не хочет. Стала бояться, что такого же мнения и остальные мужчины. Вот так.

Лень

Моя знакомая получила имейл от своего разового любовника: «Ты – лучший секс этого года». Мало того, что олух по невнимательности список получателей из восьми адресов открыл, так в нем еще и мужчина какой-то обнаружился. Распустили, конечно, мужчин.

Пленных не брать

По дороге в Милан встретил в аэропорту подругу – скромную, начитанную Кафкой, далекую, как мне казалось, от гламурных ценностей:

– Ты чего в Милан?

– Шопинг.

– Значит, без багажа?

– Нее, у меня чемодан.

– А в нем что???

Краснея и запинаясь, будто списала на экзамене:

– А в нем... еще один.

Я за нее порадовался. Не безнадежна.

Племяш – наш, или Куда приводят звонки

Это притча о связях и их роли в жизни отдельного российского человека. И о женщине, разумеется.

Рассказано моим другом лично, с его слов записано верно.

Итак, у меня есть младший товарищ, с которым я иногда делюсь невероятным жизненным опытом. По натуре мой друг аферист, причем очень талантливый, но приличные еврейские родители приделали к его голове радиатор и регулярно заливают туда тосол. В результате охлаждения мозгов аферы у парня получаются не очень опасные, а в свободное от обувания доверчивых граждан время он даже сделал неплохую для двадцати четырех лет карьеру в медийной отрасли.

Зовут героя Яша Кац, и фамилия вытатуирована на его физиономии как принадлежность к КГБ на лице сами знаете, кого.

Выше я отметил, что у Яши есть родители. Папа математик и мама красавица. Глаз не оторвать. Также от Марии Яковлевны не оторвать и разнообразных мужчин, стремящихся постонать одним с ней воздухом или хотя бы подышать им.

Недавно среди страждущих неожиданно обнаружился генерал. Настоящий. Настолько, что лампасы и погоны проступали сквозь ткань изысканных костюмов. Впрочем, генерал с возможностями и со вкусом. Звали старого чекиста подобающе – Петр Сергеевич Березин.

Он сразу пошел на штурм Марии Яковлевны, но его облили кипящей смолой на подступах к крепости. Оценив потери, он предложил искреннюю дружбу.

Яшина мама сообщила, что дружить им не о чем, но если он настаивает, может дружить с сыном и быть ему полезным.

Госпожа Кац поступила как еврейская мама, генерал Березин – как русский офицер. Он мгновенно взял Яшу под крыло, причем не из надежды на доступ к телу, а потому что дама попросила.

Раз в два месяца генерал приглашал юное дарование на беседу, спрашивал, все ли хорошо, и учил уму-разуму. Накануне очередного randevu юному аферисту засветило увольнение на почве личной неприязни, возникшей между ним и одним из «топов». Работал Яша в Москве и «поухать» не собирался. Об этой ситуации он доложил своему покровителю на встрече, проходившей на этот раз в лобби петербургского отеля NN.

Петр Сергеевич задумался. В этот момент случилось чудо. По отелю катилась сфера в дорогом темном костюме, при двух телефонах, в сопровождении пары кубов в дешевых темных костюмах, при наушниках и оружии.

Петр Сергеевич просиял и рывкнул на все лобби:

– Моня! Стой, старая сволочь!

Сфера остановилась и дала полный назад.

– Петюня!

Выдающийся нос уткнулся в солнечное сплетение генерала Березина. Кубы отошли на два метра.

– Ну что, все спекулируем?

– Так ловить некому.

– Знакомся, мой племянник Яша. Яша, это мой старый товарищ Моисей Ефимович.

– Хаймович, Петя, Хаймович.

Моисей Хаймович внимательно посмотрел на Яшу, поднял брови и, не оставляя генералу места для маневра, произнес:

– Петюня, ты кому голову морочишь? Лицо его видел? Он такой же тебе племянник, как Арафат мне дядя.

Генерал надел суровость, вздохнул и отрезал:

– Он мне КАК племянник, и нужно парню помочь с работой в Москве. Задача ясна?

Нос Моисея Хаймовича вырос, а глаза уменьшились и вспотели. Теперь задумался он.

– Племянник, ты не против железной дороги?

– Он не против, – ответил Петр Сергеевич.

– Начнешь проводником, а там посмотрим, – эта шутка показалась новому Яшиному покровителю удачной, и он долго смеялся, набирая номер.

– Алло, Николай Кузьмич, есть минута? Такое дело, у меня тут племянник работу решил сменить. У тебя есть что-нибудь общественно возмездное? Я к тебе обращаюсь не часто и прошу к моей просьбе отнестись с максимальным вниманием.

Яша услышал до предела услужливый голос из трубки и понял, что Николай Кузьмич очень уважал Моисея Хаймовича.

– Племянник – близкий мне человек, талантливейший экономист, так что считайте, что вам всем повезло.

Далее еврейский лоббист, не отрывая трубки от уха, громко спросил у «близкого ему» Яши:

– Как твоя фамилия?

– Кац.

– Фамилия его Кац, так что вашему Когану будет достойная компания, – закончил беседу Моисей Хаймович и обратился к Яше: – Значит, так, родственник, завтра дуй в Москву. Приедешь к Николаю Кузьмичу, он тебе все устроит. Номер запиши.

– Моня, куда ты пацана пристроил, дядя хренов? И с чего ты взял, что он экономист? – железным тоном спросил Березин.

– Любый Кац – экономист. Место отличное. Контора при РЖД. Кузьмич там директор. Мало шума, много денег. Всё, как мы любим.

– Что значит «много денег»? Ты мне парня не порти! – Генерал поднял пудовый кулак и так потряс им перед паспортом друга, что чуть Улисс Нардан скелетон не свалился.

– Да все честно: зарплата, премия. Я же сказал – отличное место, только для своих. Все, Петюня, я побежал.

Обалдевший от скорости происходящих событий всеобщий племянник примчал в Москву, нашел замаскированное под тюрьму здание «отличного места для своих», сделал шаг в будущее, но уперся в проходную. Для проникновения в здание требовался паспорт, сдача норм ГТО, флюорография и справка из психдиспансера. Яша справился.

Коридоры, заключенные, вольноотпущенные, коридоры, приемная.

Секретарша, бравшая Зимний, недоверчиво посмотрела на Яшу и без приветствий кляцнула:

– Кац?

– Да.

– Ждите.

Яше не давала покоя мысль: «Если у Моисея Хаймовича такие „свои“, интересно – какие „чужие“?» Секретарша подняла трубку, перенастроила голос и излилась медом:

– Николай Кузьмич, к вам Кац, – и тут же другой голос изнутри одушевленного шлагбаума прошипел: – Заходите.

Николай Кузьмич родился непосредственно в своем кабинете, сразу шестидесятилетним чиновником и будет жить вечно, пока Смерть не найдет способ продраться через проходную. А она не найдет.

В меру богатую комнату украшали три портрета. Два ожидаемых и один – Николая Первого. Также на стене висели икона и календарь от самарского управления ФСБ. Российское духовное оливье начала XXI века.

Угрюмый Николай Кузьмич встал из-за массивного стола и крепко тряхнул Яшину руку.

– Хороший у тебя дядя, заботливый.

– Николай Кузьмич, он просто решил мне помочь. Я не совсем его племянник, – врать Яша умел блистательно, но сейчас не видел в этом необходимости.

Судя по выражению лица, Николай Кузьмич не знал, радоваться этому известию или нет.

– М-да. Чем занимаешься?

– Рекламой, спонсорством, могу подробнее объяснить.

Железнодорожник скривился, как от зубной боли, и глотнул из стакана, сидящего в медном подстаканнике.

– Э-эх, – задумался Николай Кузьмич. Размышляя, он завел разговор о футболе, погоде, буднях отрасли, об Украине, наконец, но к вопросу трудоустройства переходить не спешил. Что делать с Яшей, он не знал, равно как и сам герой. Тюрьма аферисту не нравилась отчаянно. Горячий камень задержался в руках Николая Кузьмича и начал жечь ладошки. Железнодорожник поступил по железнодорожному – перевел стрелку.

Сняв трубку, он спросил у церберши:

– Сергей Евгеньевич у себя? Соедини... Сергей Евгеньевич...

Николай Кузьмич закрыл ладошкой телефон и шепотом спросил:

– У тебя отец жив?

– Да, – со страхом ответил Яша.

– Сергей Евгеньевич, ко мне тут достойный человек сына прислал. Посмотрите, пожалуйста. Давайте найдем ему применение. Спасибо.

– Иди к моему первому заму, он человек молодой, современный. Поговори, дальше думать будем.

– Извините, а можно вопрос?

Отступившая зубная боль вернулась на лицо Николая Кузьмича.

– Давай.

– А почему именно Николая Первого портрет?

– При нем первую железную дорогу в России построили.

Сергей Евгеньевич удивил Яшу. Сорокалетний франт в ботинках, говорящих о владельце все. Подтянутый, не по-зимнему загорелый, сидящий за пустым столом, на котором основное место занимал огромный маковский монитор. Фотографии жены с детьми вместо портретов высочайших особ, и селфи с БГ вместо иконы. Юный аферист был достаточно опытен, чтобы понять, кто перед ним. Смотрящий от руководства и куратор финансового блока.

– Присаживайтесь, рассказывайте, – холодно, но доброжелательно начал беседу поклонник «Аквариума».

Яша удивился обращению на «вы», посмотрел финансисту в прозрачные глаза и быстро поведаль всю историю.

Сергей Евгеньевич задумывать не стал. Он был прямолинеен, неподвластен магии дядюшек и честен:

– У вас, как я понимаю, теперь много новых родственников, а у нас теперь одна общая задача. Как вам здесь НЕ работать, чтобы никто при этом не обиделся. Кстати, почему вы хотите уйти с нынешней работы? – дежурным тоном поинтересовался финансист.

– Конфликт с руководством.

– А подробнее?

– Я придумал одну схему, и моему начальнику не понравилось, что я лезу не в свое дело.

Ну, я и не сдержался.

– Бывает. А чем зарабатывать собираетесь, пока ищете новое место?

– Доработаю одно приложение для игры на бирже.

– Что за приложение? – Сергей Евгеньевич оживился и не стал нажимать кнопку delete на судьбе племянника всея Руси.

Яша начал рассказывать.

Взгляд финансиста вцепился в цифры и графики, которые рисовал юный аферист. Жизнь стала клокотать в яростных глазах человека, для которого деньги были предметом искусства. Все-таки у каждого – свой наркотик. Он заставляет жить и убивает, если доза слишком велика.

– Да ты талант! И что за идиот у тебя начальник?!

Переход на «ты» вновь удивил афериста.

– Как его зовут?

– Костров Дмитрий Владимирович.

– Вы, по-моему, к банку NN имеете отношение?

– Есть общие акционеры.

– С начальником твоим я разберусь, работай спокойно, и давай на следующей неделе поговорим. Людям мозги нужны, а не родственники, но генералу своему проставься. Семья превыше всего, сам понимаешь.

Вечером Яше позвонил Петр Сергеевич Березин:

– Яшка, я связался с начальником NN-банка, которому ваша контора принадлежит. Шефу твоему все доходчиво объяснят. Людям свои нужны в окружении, а не просто умники, хрен знает, откуда. Так что подожди соглашаться, если этот железнодорожник предложит что-нибудь.

Вскоре удивленный и встревоженный генеральный директор Яшиной компании провел кадровые перестановки, долго благодарил перспективного работника за прекрасные результаты и высказал надежду на длительное сотрудничество. А еще через пару недель Яша начал получать новогодние подарки и поздравления от коллег, ранее не знавших даже, как его зовут.

Самый дорогой Эподарок он получил от Дмитрия Владимировича Кострова, отправленного поднимать региональную сеть.

Петр Сергеевич и Сергей Евгеньевич были горды собой и своими жизненными принципами.

Ну, а Яшина мама, узнав обо всем, усмехнулась, отметив, что масштаб «эффекта бабочки» зависит от того, чьи крылья взмахнули.

Женщины...

Рука

2005. Совершенно случайно оказываюсь в Австрии.

В то время я занимался обелением бесконечно черного имиджа казино. Команда у нас была веселая, чудили как могли. Итак, мы чудим. Купили остров в Тихом океане и разыграли его в рулетку. Предложили гостям ресторана устрицы unlimited, и Николай Валуев съел 62 штуки, обрушив все наши расчеты. Наконец, решили производить свое вино.

Я уболтал какого-то австрийского винодела обсудить этот прожект, и меня вместе с управляющим рестораном отправили в альпийскую страну для знакомства с ассортиментом.

Как сомелье я был профессионален в одном: мог уверенно отличить белое от красного. В остальном – полный провал. Но так как товарища завербовал я, меня «прицепили» к поездке.

От Вены мы ехали еще час на машине и прибыли в совершеннейшую дыру где-то в горах. Деревня, виноградники, и все. Местный секрет в том, что ягодам дают замерзнуть, чтобы получился восхитительный айсвайн, – сладкое, полнокровное вино, сбивающее с ног после двух бокалов.

Все дегустируют – я тупо напиваюсь. Они выплевывают, поболтав во рту – я, разумеется, нет. И через два часа становлюсь похожим на снег. Красивый, но на земле.

Утро. Осматриваем окрестности. Главное отличие России от Европы – именно деревня. У них она почему-то не сильно отличается от столицы. И дело не в столице, а в деревне.

Винодел приглашает нас в какой-то дом. Встречают всей семьей – русских не каждый день увидишь, и даже не каждое десятилетие.

Последней выходит очень пожилая дама.

Знаете, уже после тридцати по женщине можно сказать, станет она бабкой или пожилой дамой.

Именно по этому признаку мудрые старшие товарищи рекомендовали выбирать жен.

Так вот, представляют мне эту австриячку в годах.

Подошла, поздоровалась. Взяла за руку. У нее была мягко-шершавая бабушкина ладонь. Долго держала и смотрела в лицо. Вроде бы ничего особенного, только в ее глазах словно пирог остывает. Помните, как в детстве: прибежишь домой с мороза, руки ледяные – в снежки переиграл, а на кухне суета – гостей вечером ждут. Все, включая кота, готовят.

И вот из духовки достали пирог. Отрезать кусок не разрешают, но можно положить ладони на закрывающее его полотенце, греться и вдыхать запах теста. Не знаю, получилось ли у меня описать ее взгляд, но я старался.

Посмотрела она на меня и говорит:

– Теплый... вы русские теплые... И ушла.

Потом наш винодел рассказал мне ее историю.

Думаю, это правда:

Во время войны в деревню зашли советские войска. Несколько дней стояли. Она встретила нашего паренька. Герой, в орденах, мальчишка, правда, совсем. Один раз даже ночевать остался. Говорят, не было у них ничего, – оба скромные, деревенские. Целовались только.

Утром провожать пошла, а его машина наша армейская насмерть сбила у нее на глазах. Судьба...

Я был вторым русским, которого она держала за руку.

Ничего в этой жизни из сердца не выкинуть. Разве что заморозить на какое-то время. И слава Богу.

@atsypkin *Twitter*. Лучшее из худшего

Умиляет, когда мужчина, пытаясь вернуть ушедшую от него женщину, начинает дарить неистовые букеты. Это, как если бы жена в ответ на предложение развестись перемыла бы всю посуду и постирала рубашки.

Очень трогательно смотреть на парочки в кафе. Целуются, но кладут телефоны экраном вниз, а уходя в туалет, забирают их с собой.

Деньги пахнут. А московские вокзалы – уникальное место, где в переходах мясо, идущее в столичную мясорубку, встречается с фаршем, выплюнутым Москвой через несколько лет. И те, и другие опускают глаза.

Как показывает история, если страна раскалывается надвое, те, кто пытаются удержаться посередине, закономерно падают в пропасть первыми.

Обязательно настанет утро, когда ты закроешь глаза на срок годности йогурта, одиноко стоящего в холодильнике.

Влюбленность: человек ушел, месяц ты лезешь на стену, потом отпускает. Любовь: первый месяц тебя вроде отпускает, а потом лезешь на потолок.

Равно удивляют и те, кто хочет исключить похоть из списка грехов, и те, кто не склонны к ней, и только поэтому считают себя святыми.

Приглашаю папу на свой день рождения:

«Ресторан такой-то, бронь на мою фамилию».

«Вообще-то на мою».

Из личных показаний

Миллионы гениев в мензурке

Мой первый рассказ

Я мнителен. Любой прыщ считаю началом мучительного, но скорого конца. По этой же причине наличие презерватива было для меня единственным условием добрых отношений.

Но однажды, на втором курсе, вышла осечка. Наутро, протрезвев и осознав все риски произошедшего, я помчался в поликлинику. Доктор сообщил мне о каком-то инкубационном периоде и отправил восвояси.

Следующие несколько дней прошли в тумане, выискивании симптомов, составлении завещания и клятвах всем известным богам принять обет безбрачия в случае выздоровления. В назначенный день, трясясь, как советский трамвай, я сдал все анализы и впал в кому, не дожидаясь результатов. Через сутки врач огорошил меня новостью:

– Здоров!

Стоит ли говорить, что я ему не поверил и потребовал пересмотреть свои лживые показания или порекомендовать мне альтернативные анализы.

Осознав, что один из нас должен умереть, доктор отправил меня сдавать спермограмму. Он сообщил, что, помимо нескольких миллионов копий такого же труса, как я, в ней теоретически могут обитать интересующие меня микроорганизмы.

– Поднимись в лабораторию, там тебе все объяснят.

Слово «лаборатория» меня насторожило. В ней периодически доблестно трудилась МОЯ БАБУШКА. Встречать ее в данных обстоятельствах мне, по понятным причинам, не хотелось, но я рассчитывал на мое обычное везение.

Пролетев два этажа, я открыл дверь в нужный кабинет и увидел знакомый профиль. Бабушка. Я зашел, обмяк и торжественно замолчал. Произнести слово «сперма» при бабушке сил не было.

– Ну, что, довеселился? – поинтересовалась Т. Р., протягивая мне нечто среднее между наперстком и маленьким пластиковым стаканчиком. Глаз от микроскопа она не отрывала. Это меня спасло от позорного обморока. (Думаю, врач-венеролог сообщил ей о моем визите по телефону, а как потом выяснилось, все другие мои анализы смотрела тоже она.)

– Сдашь и сразу носи мне. Инструкция на двери в наше отделение, – отрезала бабушка.

Вышел я сквозь дверь, как Гарри Поттер.

Посмотрев на мензурку, я наконец осознал, что от меня требуется, но все-таки решил ознакомиться с инструкцией. На двери крупными буквами были даны ответы на все мои вопросы:

«Получить в кабинете 143 пластиковый стаканчик.

Пройти в кабинет 146.

Путем массажа получить эякулят (это слово я прочел трижды, нервно размышляя, то ли это, о чем я думаю).

Сдать эякулят в кабинет 143 в течение 5 минут. (Кхе кхе... а что будет, если опоздаю???)

Массаж меня заинтересовал, хотя я, конечно, понимал, что массажистка в данной процедуре не предусмотрена. Развернувшись в поисках кабинета 146, я впервые понял, что это такое – желание провалиться сквозь землю.

Локейшн был следующий: огромный холл, в который выходила дверь бабушкиного отделения с той самой инструкцией, далее – приемная стоматологического отделения и в конце холла – кабинет номер 146. В общем, все сидящие здесь видели, как я читал инструкцию,

и понимали, куда и зачем сейчас пойду. Все сидящие – это две женщины, парализованные первобытным страхом перед бормашиной, которым явно не было дела до моего массажа, и две медсестры, стоявшие в регистратуре стоматологии. Этим как раз не было дела ни до чего, кроме моего массажа.

Они смотрели на меня в упор с нескрываемым ехидством. Маскировать стаканчик и изображать празднующего было поздно – от моего лица можно было прикуривать.

Понимая, что при таких свидетелях холл преодолеть я не сумею, и, тем более, не смогу выйти из кабинета 146 в здравом рассудке, я решил ретироваться под крыло старшего поколения. Бабушка вопросительно подняла брови. Собрав силы в голосовые связки, я изрек:

– А нельзя ли заняться таким непристойным делом дома? В окружении друзей и при помощи, так сказать, сочувствующих?

– Нет, нельзя – остынет. Иди сдавай, мне уходить надо.

После этой фразы я завис. Слово «остынет» в устах бабушки ассоциировалось у меня только с супом, овсяной кашей или, в крайнем случае, с ингаляцией.

Я застрял в коридоре, так как выйти обратно в холл, навстречу фуриям с горящими смешливыми глазами, не представлялось возможным. Был вариант минут через пять вернуться к бабушке со словами «не смог», но, во-первых, оставался страх смертельной болезни, а, во-вторых, так низко пасть не позволяло тщеславие.

Собравшись с силами, я бодро открыл дверь и пошел на амбразуру. Первый же взгляд на регистратуру убедил меня в том, что «все бабы суки». Их там было уже четыре, и все как одна мерзко хихикали, а стоило мне целиком вылезти на свет, восемь глаз начали меня буравить. Думаю, уже вся клиника знала о моем сольном выступлении. Положение отчаянное. Отбросив стеснительность, я подошел к медсестрам и громко спросил, не хочет ли кто-нибудь из них мне помочь. Измученные болью и ужасом пациентки тоже повернулись (скажу честно, эти дамы при всем желании не смогли бы мне помочь). Настало время краснеть медсестрам. Одна сразу испарилась, трое оставшихся занялись заполнением историй болезни. Торжественно заявив, что «я так и думал», я направился в кабинет 146.

Его я запомнил на всю жизнь.

Внешне он не отличался от других кабинетов советской поликлиники. Я не ожидал бархатной обивки на двери, но возлагал большие надежды на внутреннее убранство помещения. Как-никак, там должен происходить хоть и неполноценный, но акт любви. Воображение рисовало телевизор с недоступной мне тогда порнографией, журналы Playboy на цепи или хотя бы каталог женской одежды, некоторые разделы которого были детально изучены мной еще в школе.

Естественно, предполагались душ и ложе. Реальность превзошла все ожидания – в храме любви не было ничего. Вообще. Стены, окрашенные в противозачаточный темно-зеленый, и всё. Нет, вру, имелся офисный стул, и он, сволочь, стоял плохо, что было весьма символично. Похолодевшими руками я стал нащупывать задвижку, ибо в данной ситуации еще и кричать «занято» было бы вовсе сюрреалистично. На мое счастье, задвижка имелась. Решив проанализировать ситуацию, я сел на стул и чуть не навернулся.

Передо мной сразу встало несколько проблем. Жалкий виновник этого торжества из комы не выходил и признаков жизни не подавал.

Слишком долго сидеть в этом карцере я не мог – бабушке, как вы помните, нужно было уходить!

За дверью находились пристыженные медсестры, и мое долгое пребывание в кабинете 146 вызвало бы у них нездоровые подозрения.

Комната одна, а желающих «помассажироваться» много. Не хотелось услышать стук в дверь и пожелание «быстрее...» – вы сами понимаете.

Не буду посвящать вас в детали следующих 10 минут, скажу лишь, что мое воображение никогда не работало так усердно. Силой мысли я перенес себя из этой тюрьмы в волшебную страну и пребывал бы там счастливо, если бы не пластиковый стакан, узкое горлышко которого требовало точного баллистического расчета.

Усталый, но гордый я вышел из кабинета 146 и, окинув пунцовых дантисток взглядом победителя, строевым шагом отправился к бабушке. Медсестры уткнулись в бумаги.

В кабинет 143 я зашел, конечно, не таким смелым...

Пока бабушка запихивала «эякулят» под микроскоп, я озвучил петицию, посвященную непригодности кабинета 146 для указанных целей. Ответ был прост и совершенен:

– В следующий раз пойдешь на улицу. Там все приспособлено.

Бабушка посмотрела в окуляр, подвигала стекляшку, еще раз посмотрела и порадовала:

– Ничего нет.

– Что? Вообще ничего? – насторожился я.

– Что должно быть, то есть. Больше ничего. Здоров. Хочешь посмотреть?

Посмотреть хотелось. Даже очень. Я накрыл глазом черную трубу микроскопа и еще раз поверил в Бога.

Внизу бешено суетились сотни капелек, в каждой из которых невообразимым образом умещался человек и вся информация о его пороках и чертах характера, талантах и заболеваниях, родинках и длине ресниц.

В пластиковом стаканчике их было несколько миллионов. Я даже дышать перестал.

Бабушка прекратила эту рефлексию и одним движением руки уничтожила крупный европейский город, сплющ населенный гениями. Стало грустно. Мне дали побыть Богом, а я тут в кабинете 146...

Уважение

Недавно я видел, как четыре щенка пуделя (собачница вела их на выгул наполеоновским каре) злобно облаяли здорового ротвейлера. Я впервые наблюдал на собачьей морде выражение полного недоумения. Если пес может онеметь, это был именно такой случай. То есть где-то внутри его собачьего разума шевелилась мысль, что надо бы шоблу урезонить, однако они все разом уместились бы в его пасти, при таком раскладе отвечать как-то не по-пацански. В итоге, облаянный ротвейлер поплелся за хозяином, а мушкетеры продолжали гордо визжать и даже хором поместили колесо S-Class-а (долго выбирали). Скажем так, часть колеса. Мудрый пес напомнил мне одного своего собрата по породе и историю об уважении старших в собачьем мире.

В далекие 90-е у моего друга Вити был пес со звонким именем Рембо (ударение на первый слог). Впрочем, с героем боевиков этот фрукт ассоциировался в той же степени, в какой и с поэтом (ударение на последний слог). Пожилая дворняга размером с небольшую лайку, взглядом одновременно печальным, смелым и хитрым. Такие глаза я видел однажды у отсидевшего добрый десяток лет вора, с которым судьба столкнула меня в одной компании.

Подобно герою той встречи, Ремчик, как ласково звал его Витя, был в авторитете. Гулять ходил без поводка, регулярно принимал участие в дворовых разборках и, конечно, почитал маму. Витину маму, разумеется. Кроме пса, на подотчетной территории проживала кошка. Рембо она «видела в микроскоп», что с бабы взять. Мама любила всех, и все любили маму. Социум жил в полной гармонии, но в один, возможно, прекрасный день в судьбе фауны произошли перемены.

В квартиру с особым почетом внесли щенка ротвейлера. Имя аристократического отпрыска было грозным – Джафар. Положение Джафара в обществе стало полной противоположностью его родословной. Иерархия животного мира в этой квартире сложилась следую-

шая: кошка, дворняга, мухи, комары, микробы, Джафар. Ел он последним, спал, где разрешат. Рембо одаривал Джафара взглядом устало властным, кошка не видела вовсе. Надо сказать, ротвейлер сразу все понял, и если мы издевательски кидали ему кусок колбасы, глотая слюни и слезы, сидел около этого куска и ждал, пока Рембо придет и съест свою часть... или все. Как повезет.

Прошло года два. Джафар изменился – он стал машиной для убийства. Огромный, мощный, с бычьей шеей и ледяным взглядом, он наводил ужас на всех соседей окружающих собак. Но дома все осталось по-прежнему. Рембо также заходил в кухню первым и единственным, а еле помешавшийся в прихожей Джафар покорно ждал. И если его морда вдруг проникала в кухню (просто потому, что в прихожую он весь не влезал), Рембо одним движением глаз возвращал голиафа на исходные позиции. Когда, наконец, авторитет заканчивал трапезу и покидал пределы кухни, туда с радостным грохотом несясь Джафар. Со стороны это на поминало Терминатора, бегущего 100-метровку с барьерами, которые он просто проламывает. Иногда под его лапы попадалась кошка.

Визг, шипение и боязливый взгляд Джафара: «Пardon, мадам, не заметил-с».

«Мадам» придумала изощренную месть. Она садилась на стул, и когда Джафар шел мимо, просовывала лапу между спинкой и сиденьем, царапала монстра и быстро убирала лапу обратно. Изумлению Джафара не было предела.

За взаимоотношениями в данном коллективе можно было наблюдать часами, но хозяин приготовил мне особое зрелище. Мы пошли на прогулку. Рембо, в силу авторитета, без ошейника, Джафар на двойной «якорной» цепи. Как только мы вышли на улицу, Рембо тут же исчез.

– Куда это он?

– Сейчас услышишь!

Минуты через две раздался групповой лай. Голос Рембо даже я узнавал. Джафар натянул поводок так, что мы с Витей стали похожи на героев сказки «Репка», но сдались через полминуты и побежали за ротвейлером, еле удерживая спасительную для всей Петроградки цепь. Через несколько десятков метров мы увидели следующую картину: Рембо стоял в окружении трех дворовых псов и яростно рычал. Собачья братва, обступившая его, самодовольно размышляла, с чего начать бойню. Шансов у стареющего пса было мало. Но в этом мире главное – уважение. И, как говорил Абдулла, кинжал хорош для того, у кого он есть. Кстати, несмотря на быстроту происходящего, я заметил в глазах Рембо полную уверенность в исходе стычки. Это потом я узнал, что все было отрепетировано. В момент, когда трое псов уже начали покусывать Ремчика, в круг с диким лаем ворвался Джафар. От одного рокота, исходившего из его жуткой пенившейся пасти, у бедных дворняг вжались уши. Та, что была ближе всех, взвизгнула, и все трое пустились наутек. Рембо даже не сдвинулся с места. Джафар с подростковой гордостью смотрел на старшего, но тот не удостоил его взглядом, просто начал осваивать покоренную территорию.

Хозяин этой «бригады» сообщил, что данная разводка – поставленный на поток фокус. Рембо заводился, начинал возню, а потом вызывал артиллерию. И если бы не якорная цепь, все заканчивалось бы полным беспределом. Каждый раз Рембо убегал дальше, завоевывая новые пространства.

Джафар набирал мощь, и вскоре банда получила контроль над всем микрорайоном. Рембо старел, дряхлел, уже не всегда мог пробежать хотя бы десять метров, но до конца его дней Джафар смотрел на низкорослого, нескладного пса со страхом и уважением. Ел по команде, дышал в такт и был счастлив от того, что точно знает свое место в жизни. Место чуть пониже старой дворняги и кошки и чуть выше остального мира. Когда Ремчик умер, Джафар уже стал взрослым, и вместе с этой «взрослостью» из его глаз навсегда ушел бесконечный и беспричинный щенячий восторг. Достойный и неизбежный обмен.

Как Ясир Арафат меня спас

Папа включает на даче канализацию.

Я (рьяно): «Помочь?»

Он (скептически): «В настройке канализации пиарить нечего, листья сгребай и грабли не сломай!»

В 1991 году, вместо того чтобы как все школьники сидеть на даче и ждать путча, я был отправлен в Детский исправительный лагерь в Израиль. В смысле, я поехал к папе на каникулы. Это была моя первая поездка за рубеж. Мечтаний было много, а денег мало, как у всех с серпасто-молоткастым паспортом.

Увидев на первой же израильской бензоколонке жвачку Juicy Fruit и банки Coca Cola в неограниченном количестве, я впал в экзальтацию и тут же потратил почти все выданные мне в России 20 или 30 долларов. Многим не понять, но я хранил подаренную мне за пару лет до этого банку Кока-колы, наливал туда Пепси и катался по Ленинграду на трамвае, собирая завистливые взгляды окружающих. В конце концов, группа неевского пролетариата отобрала у меня и банку, и имевшиеся с собой деньги. Я страдал и ностальгировал по куску крашеной жести целый год, а тут их сотни.

В общем, деньги кончились, а жизнь только началась. Папа, осознав мое психическое расстройство, давал деньги только на музеи, и скоро я стал ощущать себя героем известного анекдота про еврейского мальчика: «Первый день русский, а уже вас, жидов, ненавижу».

Я потребовал с отца «репараций и контрибуций». Папа поступил по шедевральной парадигме «дадим обездоленным не рыбу, а удочку». Евгений Михайлович, даром что врач, решил приобщить меня к коммерции, а заодно выгнать из дому, в котором я почти круглосуточно ел и смотрел телевизор. Он купил сумку-холодильник на колесиках, двадцать бутылочек Кока-колы (особый цинизм, зная о моей страсти к этому бренду) и послал меня продавать ее на улицы Иерусалима.

В Израиле чуть ли не ежедневно теракты. Мне 14 лет. Отцу 33. Вот ведь воля у человека!

Первый день прошел успешно. Я вышел во двор, сел на скамеечку и начал «грозить» Веселому Поселку (мой родной район в Питере), попивая Кока-колу у себя в квартале. Так сказать, пошла амортизация основных средств. Раз в час я лениво булькал прохожим «Кока-кола кара» (холодная Кока-кола). К концу дня я выпил десять бутылок, а продал две. Уставший, но довольный пионер прибыл домой. Папа произвел расчет и сказал, что теперь я должен ему 18 шекелей. Антисемитизм начал пускать корни в моей неокрепшей душе. Я решил, что потомок благородной русской фамилии не будет барыжить на этих кровососов, и сказал, что у меня недомогание. И тут папа, что называется, ударил в пах.

– Кстати, хочу тебя с дочкой наших друзей познакомить, вот фотография. Пригласи ее в кино.

Девочка была не такой симпатичной, как модели в каталоге Quelle, страницы с женским бельем которого составляли основу моей жизнерадостности. Но гораздо лучше большинства моих одноклассниц, которые обращали внимание на тощего и локально прыщавого интеллигента.

– Она ждет приглашения в пятницу, и у тебя есть три дня, чтобы вернуть мне долг и заработать на билет. Или я скажу ей, чтобы она тебе билет купила.

«Ничего... попроси у меня в старости воды», – подумалось мне. Папа внимательно посмотрел в мои глаза и решил на всякий случай родить еще двух детей. Теперь у меня сестры. Очень рассчитываю на них в вопросах воды для папы и себя.

В девять утра следующего дня, надев кепку, очки и взяв для себя воду, я вышел на охоту. Я был неудержим. Вокзал и музеи, синагоги и кладбища. Одинокие полицейские и бабушки. Группа военных и хасидов. Я продавал сладкий лимонад всем и везде. Меня любили и прогоняли. Я понял, что вода идет лучше и продал собственную. Домой шел пешком, чтобы сэкономить на автобусе. Алчность обуяла меня, но я помнил: «Не заходи в Восточный Иерусалим». В школе я вел полит-информацию и знал, что израильтяне аннексировали Крым – тьфу, Палестину: вежливо туда зашли, но референдум не сложился.

В общем, в Восточном Иерусалиме жили палестинцы, евреев они не очень ценили. Попасть туда было легко. Более того, часть еврейских районов находилась за палестинскими, автобус пролетал их особенно быстро. Периодически в автобус кидали камнями. Иногда случались трагедии. Маму папиного друга зарезали прямо на улице. Уехала из беспокойной России...

Судьба.

Но в подростковом возрасте опасность воспринимается по-другому, биологически организм знает, что жить еще долго и поэтому не боится смерти. Я был из довольно робкого десятка, но иногда терял всякую осторожность.

В итоге я оказался со своим холодильником в Восточном Иерусалиме. Случайно. Я, правда, не хотел. Просто заблудился. Народу резко поубавилось, прохожие были одеты странно, и еще более странно на меня смотрели. Мне стало страшно. А выхода особо не было. Я носился с долбаным холодильником, как Миронов по Стамбулу в «Бриллиантовой руке».

Смеркалось. «Евреи, где вы?! Вернитесь, я все прощу.

Господи, помоги мне». Господь помог.

Два араба с мрачными лицами шли по переулку мне навстречу. Я уже тогда понимал, что стану гуру пиара, потому что придумывать отмазы умел как никто. Тем не менее, врать о национальности своего отца не собирался. Я вам не Павлик Морозов. Но ведь не нужно сразу кричать, что у меня папа еврей. Можно просто увести дискуссию в иное русло. Врут бездарности. Таланты находят нужную правду.

Арабы ожидаемо меня остановили: на улице никого, в стране как-никак война. Это вам не про мобильные скорости на ТВ сказку за сказкой рассказывать.

Что-то спросили на иврите – было понятно, что я с другой стороны.

– Языками не владею, ваше благородие, – смысл фразы был чуть иной, но лицо сияло как у Якина.

– Ты кто?? – Террористы сносно говорили по-английски.

– Александр, – имя не еврейское, плюс 1 балл. – А вы?

Пауза. Не ожидали. Представились. Я долго и крепко жал каждому руку. Переглянулись.

– Ты что здесь делаешь, придурок?

– Кока-колой торгую, хотите вам продам со скидкой? – глупо хихикнул я.

Торговое предложение отклика не на шло.

– Ты хоть знаешь, где находишься?

– В оккупированном Израилем Восточном Иерусалиме, – 100 % правда, смотри резолюцию ООН.

Арабы подвисли, но их взгляды смягчились.

– А ты сам откуда?

– Я приехал из Советского Союза на заработки во время каникул, – 100 % правда.

Нахмурились. Тот, что моложе, встал слева.

«Бежать теперь некуда. Черт, надо было раньше делать ноги, но тогда бы точно спалился».

– А деньги тебе зачем? – Именно так обычно начинала разговор ленинградская шпана.

– Сводить девушку в кино и купить маме цветной телевизор, – 100 % правда, мы жили бедно, и дома был черно-белый квадрат.

– А мама в России живет?

«Уфф, клюнули! Ща должны спросить, кто она по национальности, уже проще будет».

– Да, у меня родители врачи, а врачам в СССР мало платят, хочу маму на старости лет порадовать. – Кроме старости (маме 33), все остальное – чистая правда, плюс я в одной фразе упомянул маму и отца. Таким образом, складывается впечатление, что отец у меня тоже бедный врач в СССР, обычный «пиарный» прием.

– А мама русская? – развязка близка.

– Конечно! – с искренним возмущением сказал я.

Ждать, пока они спросят про отца, я не стал.

– Она, конечно, переживает, что я здесь, но знает, что я работаю на честных и порядочных евреев (100 % правда) и уверена, что мне заплатят. А вы как думаете? Заплатят?

Араб проникся:

– Как повезет, но я бы взял вперед. Я сам на стройке пахал месяц и ни хрена. А на кого ты рабо...

– А вы не могли бы меня с Ясиром Арафатом познакомить? – нанес я упреждающий удар по выдвинувшимся к Курской дуге немецким войскам.

Мозг арабов застыл, они напомнили мне роботов с планеты Шелезяка. Даже моргать перестали. «Надо добивать».

– Это же герой палестинского сопротивления, я про него в школе рассказывал на уроках (100 % правда). Если не возьму автограф, учитель расстроится, – 100 % правда. Учитель военного дела так и сказал.

Я смахнул слезу. Роботы начали приходить в себя.

– Да, это наш герой, и мы рады, что есть в мире люди, которые понимают нашу борьбу. Расскажи всем в своей школе, что мы будем бороться и дальше! Пойдем. – Один из арабов крепко взял меня за плечо, и мы пошли.

«Если мы идем к Ясиру Арафату, мне конец. Переиграл...»

Через пару кварталов, когда холод в моем животе превратился в вакуум, они вывели меня на относительно многолюдную улицу, ткнули пальцем в сторону израильских полицейских и сказали на прощание:

– Не заходи сюда больше, наш советский друг.

Только тут я обратил внимание, что они худы, бедно одеты, а во взгляде какая-то простая усталая теплота. Обычные люди, как мой отец и его друзья в то время. Не врачи, не так образованны. Не там родились, не вовремя. Надеюсь, им не пришлось никого убивать, и их самих не убили.

P. S. Девушка мне не дала. Телевизор я маме купил.

SOS. Save our safe

Мы часто критикуем нашу страну за низкую эффективность труда, а ведь бывает и хуже. Занимательная история о том, сколько нужно людей, чтобы открыть один сейф.

Жили мы на острове, и все было хорошо, но вдруг пришло несчастье – навернулся сейф. Отличаясь изрядной долей паранойи, я спрятал туда все, включая мелочь. Запихал бы туда и ботинки, но они не влезли.

Предполагая днем, наконец, потратиться на банку Кока-колы, я утром набрал заветную комбинацию, а гробик в ответ пожужжал и не открылся. Весь персонал отеля уже познакомился с диким нравом нашей семейки и разбежался в стороны, как только мы выходили на променады. Ну, а наш звонок на ресепшн, уверен, встречали стоя и матом. Поэтому вызванный мастер выглядел как CEO Bank of New York (глава банка «Нью-Йорк»), кроме очков, галстука и костюма, имел мешок с запчастями, 100–500 раз извинился и сказал, что весь менеджмент

скорбит вместе с нами. Несмотря на мешок с дивайсами, ремонт осуществлялся нашей же шариковой ручкой, найденной им в нашем же бюро.

Сейф не сдавался. Через полчаса мастер был одарен таким взглядом моей будущей жены, что от него должен был открыться не только сейф, но и более опасные врата. Мастер вернул ручку, поклонился, всплакнул и сказал, что вызовет подкрепление.

К вечеру прибыла бригада спецназа: CEO, плюс тучный гражданин (он стоял, дышал, смотрел и в этом был смысл его прихода), а также равнодушно-жуликоватого вида подросток, который, как мне кажется, вскрывал сейфы при очень разных обстоятельствах. Около часа они меняли местами батарейки в панели управления и краснели всеми своими афроамериканскими лицами. Затем в дело ввели пару сканеров и датчиков. Еще через час они начали отчаянно звонить «наверх». Как я понял, там предложили поменять батарейки. Креольский мат был сопоставим с искренностью извинений.

Тучный гражданин понял, что его время пришло, и начал непринужденно интересоваться, как нам Маврикий, и что мы успели посмотреть. Слово «успели» отражало суть ситуации. Все деньги и кредитки были за сим-симом, а без них, понятно, смотреть Маврикий весьма затруднительно. Понимая, что вопрос не прохилиял, пдн-задушежник поинтересовался, как там у нас, в России. Тут я не выдержал и спросил: «Do your questions mean that mission has just been fucked by a metal box?» (Означает ли это, что миссию только что отымел железный ящик?) Больше вопросов про Россию не поступало. Далее мистер малой начал звонить «вниз». Внизу посоветовали применить дрель, о чем я говорил еще утром.

CEO подтянул галстук, поправил очки, насупился и изрек: «If we use all available technics and EXPERT'S opinion and still do not achieve the necessary for ALL OF US result, we will have to DESTROY it». (Если мы, использовав все имеющиеся в нашем распоряжении технологии и экспертизу, не сможем достичь удовлетворяющего нас всех результата, придется его уничтожить.)

Судя по такому интро, уничтожить сейф он собирался термоядерной бомбой вместе с отелем и островом. Перед самым вызовом «мусорщиков» тучный болтун по дошел к сейфу и так долбанул по нему мозолистым кулаком пролетариата, что в спальне упала картина. Сейф не открылся. CEO побежал вешать обратно местную живопись. Вернувшись, он боязливо поинтересовался, когда вернется госпожа. Узнав, что у них есть пять минут до прихода инквизиции, троица начала панически звонить и дергать дверь сейфа. Через 4 минуты 58 секунд они испарились. Еще через полчаса пришел мастер в робе, с ним помощник и те трое. Гардеробная в нашем номере большая, но и она не вместила всех желающих. За минуту профи высверлил сейф и молча удалился. CEO божился: «It is first case in my long life, believe me, I do understand how difficult it was for you and I am sure it will never never never happen again!» (Это первый случай за всю мою долгую жизнь, понимаю, как вам тяжело, и я уверен, это более никогда, никогда не повторится.)

Я разрыдался.

Интересно, что ни один из граждан не удосужился попросить у меня паспорт или как-то иначе уточнить, имею ли я отношение к этому номеру. Но даже не это восхитило меня, а то, что, как мне потом рассказал один из сотрудников отеля, история о нашем сейфе облетела весь курорт, и бездарный CEO получил благодарность за то, что решил вопрос. Парня со сверлом так и не наградили.

Гимн а ля рюс

Сардиния, клуб Billionaire. Миллиардера я заметил там, правда, лишь одного, но в целом модное местЭчко. Много наших, скажем так, «яхтсменов» и неистовых поклонниц этого прекрасного вида «спорта».

Суббота. Приглашен как бы звездный диджей. Не Пол Ван Дайк, конечно, но приличного вида и, главное, периодически играет неплохую музыку. То есть не попсу, а для понимающих. В самый разгар сета за пульт вдруг прибегает какой-то суетливый администратор неопределенного возраста, начинает махать диджею руками, что-то втирать и тыкать в дальнюю часть зала. По лицу администратора видно – в дальней части зала сидит, как минимум, его смерть. Диджей в полном изумлении останавливает пластинки. Танцующие озираются. Я думаю, неужели местная полиция приехала реагировать на жалобы соседей?

Тишина. Из недр кухни выплывает процессия с трехлитровой бутылкой «Кристалла», увенчанной канделябром из фейерверков. Следом несут еще бутылок десять, уже обычных, но тоже, как положено, с пиротехникой. Суетливый администратор, выскакивая из очков, делает кому-то знаки и начинает играть Гимн РФ в странном, комически-хоровом исполнении, напомним фильм «Красная жара» со Шварценеггером. Диджей сразу ушел в себя и надел оба «уха». Администратор с лицом человека, которому всё пришили назад (и всё работает), встал во главе процессии.

А в ложе – наш человек: тучный, довольный, родной, патриотичный.

Я ощутил в полу вибрацию и понял, что это Сергей Михалков крутанул. Кто бы ему эту картину нарисовал в тридцатых.

Игра на понижение

На волне недавних валютных спекуляций я вспомнил искрометную историю про своего школьного друга, которого родители премировали за пятерки. Антоха был очень толковым, поэтому школу закончил круглым отличником и... неврастеником, так как любая четверка рассматривалась родителями как трагедия и причина для санкций. Поступив в политех, гений понял, что в системе пора что-то менять.

В первую сессию он управляемо «опустил рынок» до четверок, во вторую – до троек и двоек, с пересдачами и угрозой отчисления, о которой со всем трагизмом ежедневно сообщал родителям. Один особо умный преподаватель Антоху, что называется, вскрыл: уж слишком хорошо он учился в течение года, а потом вдруг на экзамене превращался в тупицу. Но понять всей глубины замысла он так и не смог.

Родители горстями ели успокоительное, вели жесткие беседы, лишали сына карманных денег, требовали пятерок, но сдались первыми. За то, что второй курс Антон закончил «ВСЕГО» с двумя тройками, он получил автомобиль. К концу учебы у будущего бизнесмена в зачетке светилось «хорошо», а иногда даже «отлично», и он был одарен квартирой. При этом учиться совсем перестал и открыл свою контору уже к четвертому курсу. Когда денег на раскрутку не хватало, он за несколько дней писал молодежи дипломы и курсовые. В эти моменты запирался в своей комнате, объясняя, что усердно готовится к экзаменам.

Дмитрий Игоревич (папа Антона) говаривал мне, что нет лучше мотивации, чем денежная, и он прекрасно разбирается в том, как с ее помощью манипулировать людьми:

– Я смог вытащить своего сына из ямы и заставил учиться, преодолеть себя, и главное, я всегда платил только за реальный результат, за работу на износ.

– Антоха, а ты когда-нибудь расколешься?

– А кому от этого будет хорошо? Странные вы люди, пиарщики.

Гордость нации

Русские женщины постоянно вынуждены «заходить в горящие избы». В основном, чтобы вытащить оттуда пьяных в стельку мужей, которые сами эту избу и подожгли во время попойки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.